

40
 Федерация Советских Федеративная Советская Республика
 Проверки всех стран, Советский Гас!

Сталла Агитационно-Инструкторские Поездов и Пароходов Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов

201-16
 893

АГИТПАРПОЕЗДА
В. Ц. И. К.

ИХ ИСТОРИЯ, АППАРАТ, МЕТОДЫ И ФОРМЫ РАБОТЫ

СБОРНИК СТАТЕЙ ПОД РЕДАКЦИЕЙ
 В. Карпинского

XXIV - 425*

БИБЛИОТЕКА
 в
 Отделе и Библиотечной Секции
 Советского Р. К. Ф. С. Р.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
 1929

И. В. Виноград

Культурно-историческое наследие татар зарубежья

А.М. Ахунов, А.Н. Расулов, И.Г. Гумеров

АГИТПОЕЗД «КРАСНЫЙ ВОСТОК»

просветительская миссия в Туркестане

**КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ
НАСЛЕДИЕ ТАТАР ЗАРУБЕЖЬЯ**

КНИГА 14

ИНСТИТУТ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА
имени Г. ИБРАГИМОВА
АКАДЕМИИ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН

А.М. АХУНОВ, А.Н. РАСУЛОВ, И.Г. ГУМЕРОВ

**АГИТПОЕЗД «КРАСНЫЙ ВОСТОК»
Просветительская миссия в Туркестане**

Казань
2025

УДК 94(574/575)
ББК 63.3(543)
А 95

*Печатается по решению Ученого совета
Института языка, литературы и искусства
им. Г. Ибрагимова АН РТ*

Издание осуществлено Центром письменного наследия
Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова
Академии наук Республики Татарстан
в рамках выполнения Государственной программы РТ
«Сохранение национальностей и идентичности татарского народа»

Научный редактор

С.Ю. Малышева, доктор исторических наук, профессор

Рецензенты

Ф.Ф. Гилемшин, доктор филологических наук, доцент

А.А. Исакбаев, кандидат исторических наук, доцент
(Узбекистан, Наманган)

Ахунов А.М., Расулов А.Н., Гумеров И.Г.

**А 95 Агитпоезд «Красный Восток». Просветительская миссия
в Туркестане.** – Казань: ИЯЛИ, 2025. – 120 с. (Серия: Культурно-историческое наследие татар зарубежья. Книга 14).
ISBN 978-5-93091-535-8

В данном издании на основе архивных документов и 35 уникальных фотоматериалов из архива семьи Султанбековых, впервые вводимых в научный оборот, реконструируются события в Туркестане и Бухарском эмирате осенью 1920 г. – в период становления Бухарской Народной Советской Республики. Раскрываются процессы политической агитации и административного строительства, связи агитпоезда «Красный Восток» с Волго-Уральским регионом и Татарской бригадой, а также межкультурные взаимодействия татарской интеллигенции с местным населением.

Книга адресована историкам, востоковедам, а также всем, кто интересуется отечественной историей.

УДК 94(574/575)
ББК 63.3(543)

ISBN 978-5-93091-535-8

© ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ, 2025

ЖИВАЯ ИСТОРИЯ «КРАСНОГО ВОСТОКА»: АРХИВ СЕМЬИ СУЛТАНБЕКОВЫХ¹

Появление этой книги – событие, выходящее за рамки обычной архивной публикации. В ее основе лежит уникальная находка – тот редкий случай, когда большая история страны переплетается с историей одной семьи. Именно эта коллекция фотографий, переданная доктором исторических наук, профессором Казанского федерального университета Светланой Юрьевной Малышевой, послужила поводом для создания данного издания.

Эти снимки – не просто документы эпохи, а наследие двух поколений семьи педагогов, историков и общественных деятелей. Для Светланы Юрьевны и для ее сестры Асии Булатовны и брата Арслана Булатовича это память об отце – выдающемся казанском историке Булате Файзрахмановиче Султанбекове (1928–2021), и о деде – Файзрахмане Файзулхаковиче Султан-Беке (Султанбекове) (1892–1940), человеке необыкновенной судьбы и активном участнике ключевых событий своего времени.

Именно благодаря ему мы смогли стать свидетелями событий 1920 года в Туркестане. Фотографии, чудом сохранившиеся на протяжении более столетия, позволяют увидеть не парадный фасад, а живую реальность тех лет.

Чтобы оценить значение этих кадров, необходимо понимать масштаб личности человека, сохранившего их для потомков. Ф.Ф. Султан-Бек принадлежал к тому поколению татарской интеллигенции, для которого революция стала полем активного

¹ При написании этого раздела в основном использованы следующие материалы: *Малышева С.Ю.* Булат Султанбеков: история рода, история жизни. – Казань: Издательство Казанского университета, 2023. – 352 с., ил.; *Султанбеков Б.* «Товарищ Султанбек проявил «утерю бдительности»» // Казанские истории. 2020. 18 ноября. URL: <https://history-kazan.ru/kazan-vchera-segodnya-zavtra/moya-rodoslovnaya/17734-tovarishch-sultanbek-proyavil-uteryu-bditelnosti> (дата обращения: 03.12.2025); *Султанбеков Б.Ф.* Красный пророк. Воскрешение. – Казань: Татарское республиканское издательство «ХЭТЕР», 2015. – 128 с.

действия. Выходец из крестьянской семьи деревни Бегишево, он избрал стезю учителя. В 1912–1916 годах молодой педагог преподавал в школах Поволжья, работал в Баку и в городе Туркестан под Чимкентом, глубоко погружаясь в культуру и менталитет мусульманского Востока.

Первая мировая война и революционные потрясения направили его жизнь в новое русло: рядовой I Сибирского запасного полка в Ташкенте, он приобщился к революционной деятельности. После октября 1917 г. Султан-Бек работал в потребсоюзе в Ташкенте. В составе красногвардейского отряда П.А. Кобозева он был участником подавления мятежа атамана А.И. Дутова в Оренбурге. Затем принимал участие в национально-государственном строительстве Башкирии в качестве члена Временного революционного совета Башкортостана, являлся руководителем его издательского отдела. В 1919 г. он – делегат от Казанской губернии на II Всероссийском съезде коммунистических организаций народов Востока в Москве. В 1918–1920 гг. Ф.Ф. Султан-Бек – на советской и партийной работе в Мензелинском уезде и в Мамадыше. В 1920 году в качестве заместителя начальника политотдела агитпоезда «Красный Восток» Ф. Султан-Бек оказался в эпицентре событий – на стыке Гражданской войны, восточной дипломатии и просвещения. В 1921–1923 гг. он занимал ряд руководящих должностей в Ташкенте и Бухаре: председатель правления Потребсоюза в Ташкенте, председатель правления Бухарского Центросоюза, заместитель назира (народного комиссара) Госконтроля Бухарской народной республики. Затем по болезни был откомандирован в распоряжение ЦК РКП(б).

Свидетельством его заслуг стал наградной пистолет системы «Маузер». На его рукоятке была выгравирована надпись: «От Реввоенсовета Туркфронта. М. Фрунзе» – редкий знак признания личного вклада в становление власти в регионе.

Масштаб деятельности Ф.Ф. Султан-Бека подтверждают и сохранившиеся архивные документы. В качестве заведующего Бюро жалоб поезда «Красный Восток» он регулярно выезжал в отдаленные кишлаки, рассматривая сотни обращений. Показателен объем

работы: всего за две недели в Самаркандской области было принято 394 жалобы, значительная часть которых получила немедленное разрешение.

Ф.Ф. Султан-Бек ушел из жизни преждевременно, скончавшись от тяжелой хронической болезни – отдаленных последствий заболевания, полученного в 1921 г. в бытность в Азии, в нелегальной командировке в Гилянский район Ирана. В ряде публикаций, впрочем, ошибочно сообщается, что он погиб в результате репрессий – для подобных версий имелись веские основания, продиктованные трагическим временем. Угроза репрессий неотступно следовала за ним, но умер он после тяжелой неудачной операции в Шамовской больнице Казани.

Предчувствуя неизбежное, он был вынужден уничтожить опасные свидетельства своего прошлого. Согласно семейному преданию, наградной пистолет был выброшен в озеро Кабан – чтобы статусное оружие не превратилось в вещественное доказательство по делу о «подготовке к террористическому акту».

Тогда же были уничтожены фотографии с лицами тех, кто к тому моменту уже был объявлен «врагом народа». Среди утраченных реликвий, по воспоминаниям историка Б.Ф. Султанбекова, находился уникальный снимок: на нем его отец был запечатлен на фоне дворца эмира в компании легендарного полководца, руководившего штурмом Бухары. Вероятнее всего, речь шла о Михаиле Васильевиче Фрунзе, чья фигура в те годы была центральной в судьбе Туркестана.

Коллекция фотографий, представленная в настоящем издании, запечатлела Бухару в первые дни и недели после штурма Красной армии в сентябре 1920 года. На этих снимках зафиксированы разрушенные улицы и стены Старой Бухары: обрушенные башни, груды кирпича, следы артиллерийских обстрелов и пожаров, проломы в городских воротах, через которые входят части красноармейцев.

Кавалеристы и пехотинцы в гимнастерках и фуражках движутся колоннами, патрулируют узкие улочки, проходят мимо горожан с осликами и поклажей.

Основной смысловой акцент серии сделан на сценах установления новой власти и начальной «советизации» города. Красноармейцы раздают листовки и газеты местным жителям – на улицах, во дворах медресе и в интерьерах богатых домов. На ряде кадров каллиграфы выводят арабской вязью советские лозунги, что подчеркивает попытку включения исламской письменной культуры в рамки новой идеологии. Рядом присутствуют и бытовые сцены: группы мужчин в ожидании митинга и повседневная жизнь среди руин.

В процессе работы над архивом семьи Султанбековых первоначальный замысел альбома перерос в полноценное исследование, опирающееся в том числе и на широкий спектр первоисточников – архивных материалов. Таким образом, визуальный ряд был дополнен научным текстом, раскрывающим малоизвестную деятельность агитпоезда «Красный Восток» в Туркестане. Мы представили фотографии в их подлинном виде, сохранив следы времени как свидетельство документальной ценности и снабдив их комментариями, связывающими биографию Файзрахмана Султан-Бека с глобальными историческими процессами на Востоке.

Как уже отмечалось выше, данное издание подготовлено благодаря содействию профессора С.Ю. Малышевой и служит данью памяти Ф.Ф. Султан-Беку и его сыну Б.Ф. Султанбекову, для которых история была живой связью поколений. Также выражаем признательность М. Атоеву – научному сотруднику Исследовательского центра Бахауддина Накшбанди (г. Бухара, Узбекистан), за помощь в идентификации отдельных исторических объектов, изображенных на фотографиях. Авторский коллектив выражает глубокую признательность за возможность работать с этим материалом, который становится еще одним важным звеном в неразрывной цепи памяти.

ОРГАНИЗАЦИЯ И ПРАКТИКА АГИТАЦИОННЫХ ПОЕЗДОВ: ОПЫТ ПЕРВЫХ ЛЕТ СОВЕТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Корпус работ, посвященных истории агитационных поездов в целом и агитпоезду «Красный Восток» в частности, сравнительно невелик¹, а документы, по замечанию исследователей, «не сохранились с достаточной полнотой»². Между тем само это явление служило одним из ключевых инструментов раннесоветской политики на окраинах бывшей империи и стало важнейшим этапом становления новой власти в Туркестане. В историографии оно представлено преимущественно немногочисленными обобщающими трудами и отдельными изысканиями 1960–1970-х годов, а также редкими современными работами. Подобный дефицит внимания лишь подчеркивает особую научную ценность новых источников и визуальных материалов, вводимых в оборот в данном издании.

¹ Основные работы по данной теме см.: Агитпарпоезда (В.Ц.И.К.: их история, аппарат, методы и формы работы: сб. ст. / под ред. В. Карпинского. – М.: Гос. изд-во, 1920. – 68 с.; *Веряскин В.* Агитационно-инструкторский поезд ВЦИК РСФСР и ЦК РКП(б) «Красный Восток» в Туркестане // Научные работы и сообщения / АН УзССР, Отд-ние обществ. наук. – Ташкент, 1962. – Кн. 5. – С. 177–190; *Меженина Е.М.* Агитпоезд «Красный Восток». – Ташкент: Госиздат УзССР, 1962. – 63 с.; *Веряскин В.Г.* Книга о славном агитколлективе // Общественные науки в Узбекистане. – 1963. – № 11. – С. 64–65; *Бабаханов М.Б.* Агитпоезд «Красный Восток» – проводник ленинских идей // Известия АН Таджикской ССР. Отделение общественных наук. – 1970. – № 1. – С. 88–95; *Меженина Е.М.* Организация и идейно-политическая деятельность агитпоезда ВЦИК РСФСР «Красный Восток» в Туркестане и Бухаре (1920–1921 гг.): дис. ... канд. ист. наук. – Ташкент, 1970. – 207 с.; *Бабаханов М.* Агитпоезд «Красный Восток» в Бухаре // Социалистическое строительство в Таджикистане. – Душанбе, 1979. – С. 3–13; *Романова О.Н.* Политическое просвещение масс в годы Гражданской войны в России: на примере деятельности агитпоездов и агитпароходов: науч. докл. ... канд. ист. наук. – М., 2022. – 24 с.

² *Романова О.Н.* Политическое просвещение масс в годы Гражданской войны в России: на примере деятельности агитпоездов и агитпароходов: науч. докл. ... канд. ист. наук. – М., 2022. – С. 9.

Скудность специальных исследований ощутима не только в отечественной историографии, но и в редких зарубежных публикациях¹. Поэтому среди ранних источников особое место занимает издание, на котором имеет смысл остановиться прежде, чем переходить к детальному описанию деятельности самих поездов. Речь идет о книге, подготовленной фактически «по горячим следам» событий и потому сохраняющей качество подлинного документа эпохи, сборнику воспоминаний – «Агитпарпоезда В.Ц.И.К.: их история, аппарат, методы и формы работы» под редакцией В.А. Карпинского².

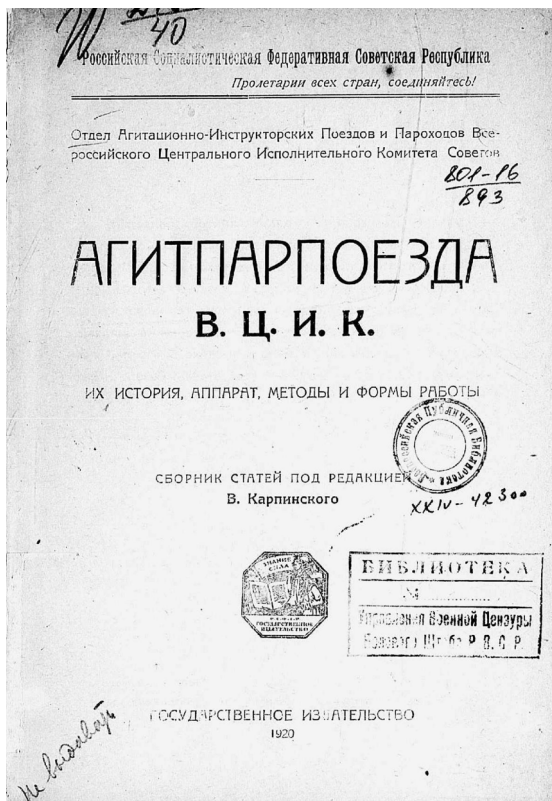
В.А. Карпинский (1880–1965) заведовал агитационно-инструкторским отделом ВЦИК, во время Гражданской войны на агитационном пароходе «Красная звезда» редактировал газету «Красная звезда».

Авторы этого труда предприняли одну из первых попыток всесторонне рассмотреть и зафиксировать феномен агитпоездов в момент их активного функционирования. Именно эта близость к описываемым процессам делает книгу не просто научным обзором, а непосредственным свидетельством того, как выстраивалась механика советской пропаганды на местах.

Книга представляет собой фундаментальную попытку теоретического осмысления агитпоезда как нового государственного института, фиксируя его организационную структуру и методы воздействия на массы в момент их непосредственного применения. Например, один из авторов сборника – Я. Буров в первой главе сборника реконструирует генезис этой инициативы, возникшей летом 1918 года из острой потребности в мобильных центрах власти в условиях Гражданской войны. Проследивая путь от первых литературных поездов до масштабных составов имени Ленина, Троцкого и Свердлова, Буров показывает, как агитпоезд превратился в сложную систему управления. Аппарат такого поезда, на-

¹ *Argenbright R. Vanguard of 'socialist colonization'? The Krasnyi Vostok expedition of 1920 // Central Asian Survey. 2011. Vol. 30, № 3–4. P. 437–454.*

² Агитпарпоезда В.Ц.И.К.: их история, аппарат, методы и формы работы: сб. ст. / под ред. В. Карпинского. – Москва: Гос. изд-во, 1920. – 66, [2] с.

Илл. 1.
Обложка книги:
«Агитпарпоезда
В.Ц.И.К.: их история,
аппарат, методы
и формы работы».
Сборник статей
под редакцией
В. Карпинского.
Государственное
издательство, 1920

считывавший до ста сотрудников, включал политический отдел, определявший стратегию, информационное бюро и мощный технический блок. Статистика тех лет подтверждает, что агитпоезда стали ключевым каналом связи центра с периферией, а экспедиция «Красного Востока» стала вершиной этой практики.

В представленном издании агитпоезд «Красный Восток» рассматривается не просто как элемент логистики, а как уникальное «государство на колесах». Анализ источников, подготовленных «по

**От Бухарского Центрального Революционного Комитета
политкому поезду В.Ц.И.К. „Красный Восток“ и его со-
трудникам.**

Центральный Революционный Комитет Бухарской Республики не в состоянии выразить ту глубокую благодарность, которую он считает своим священным долгом передать поезду В. Ц. И. К. „Красный Восток“, оказавшему в дни революции братскую помощь освобожденному бухарскому народу. Сотрудники „Красного Востока“ в первые тяжелые дни бухарской революции с чрезвычайной энергией, интенсивностью и искренней любовью к революционному делу помогли нам в восстановлении и улучшении нашей революционной работы. Сотрудники „Красного Востока“ во время революционной борьбы, когда еще город Бухара был охвачен страшным пожаром, самоотверженно боролись за ликвидацию этих стихийных бед, которые с большим успехом были предотвращены. Сотрудники „Красного Востока“, благодаря своим революционным познаниям и опыту, необычайно быстро заготовили основные положения и инструкции для Государственных учреждений Бухарской Республики, в чем она крайне нуждалась.

Сотрудники „Красного Востока“ в очень короткий срок объездили многие далекие окрестности Бухарской Республики, ознакомили на местах освобожденный от эмирского гнета народ с новыми основами и порядками Советского строительства.

Наконец, сотрудники „Красного Востока“ принимали активное участие в созыве I-го Курул-Тал (Съезда) всех трудящихся Бухареспублики.

Бухарский Центральный Революционный Комитет приносит свою истинную благодарность сотрудникам поезду В.Ц.И.К. „Красный Восток“ в лице его политического руководителя тов. Юдовского за то, что они, приехавши из далекой России, протянули свою братскую руку тому народу, который больше всех народов Востока был отстал и невежествен. Вместе с тем Бухарский Революционный Комитет просит „Красный Восток“ передать братский привет и благожелания Всероссийскому Центральному Исполнительному Комитету от имени Бухарской Советской Республики.

Председатель Центр. Рев. Ком. *Абдул-Калир-Мухомидов.*

Заместитель Председателя *Абдул-Халид-Арифов.*

Секретарь *Салик-Мухаммадов.*

Октябрь 11-го дня 1920 г. № 1064.

*Илл. 2. Обращение
Бухарского Цент-
рального революци-
онного комитета
к политпоезду
В.Ц.И.К. «Крас-
ный Восток» и его
сотрудникам
(октябрь 1920 г.)¹*

горячим следам» событий, позволяет восстановить механику этого института, где технические новшества эпохи неразрывно переплелись с задачами управления.

В книге отмечается, что в условиях разрыва связи с центром в 1920-е годы агитпоезд стал для Москвы способом напрямую управлять удаленными регионами. Его миссия выходила далеко за

¹ Агитпарпоезда В.Ц.И.К.: их история, аппарат, методы и формы работы: сб. ст. / под ред. В. Карпинского. – Москва: Гос. изд-во, 1920. – С. 64.

Илл. 4. Подготовка агитпоезда «Красный Восток». Перед выездом на пропагандистскую работу в Туркестанском направлении¹

в ходе таких проверок. Благодаря этому каждая остановка состава давала центру возможность навести порядок в регионах и заложить основы для нормальной работы государственных органов в сложнейших условиях Средней Азии.

Особое место в сборнике отведено деятельности «Бюро жалоб», которым заведовал Ф.Ф. Султан-Бек. В ситуации произвола местных чиновников появление Бюро на маршруте «Красного Востока» давало людям редкую возможность пожаловаться напрямую высшему руководству. Авторы подчеркивают, что реальный результат этой

¹ Открытие выставки «Агитпоезда» в галерее «На Шаболовке»: [фоторепортаж] // ФорСМИ : [сайт]. 2017. URL: <https://www.forsmi.ru/announce/362761/> (дата обращения: 17.12.2025).

работы – когда по жалобам проводили расследования и наказывали виновных – становился лучшим доказательством силы новой власти, приучая население решать конфликты через закон, а не через силу.

Таким образом, «Красный Восток» предстает в издании как сложный механизм, где информация и управление работали в связке. Это был опыт создания системы, которая не просто объявляла лозунги, но реально объединяла разрозненные земли в одну страну.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АГИТАЦИОННО-ИНСТРУКТОРСКОГО ПОЕЗДА «КРАСНЫЙ ВОСТОК» В ТУРКЕСТАНСКОМ РЕГИОНЕ

Большевики, стремясь институционально укрепить советскую власть в Туркестане в условиях Гражданской войны и острого кадрового дефицита, последовательно усиливали идейно-политическую пропаганду. Ее задачей было внедрение в массовое сознание представлений о легитимности нового строя, о «революционной законности» и о преимуществах советской модели управления по сравнению с прежними административными практиками. В рамках этой политики партийные и военно-политические органы сумели достаточно эффективно использовать потенциал татаро-башкирских активистов, которые нередко воспринимали себя на Востоке «знаменосцами революции»¹ и проводниками модернизационных преобразований. Их востребованность объяснялась не только политической лояльностью части национальной интеллигенции, но и знанием тюркских языков, культурных норм и коммуникативных кодов региона, что повышало результативность агитации среди местного населения и в национальных воинских формированиях.

Переход к более организованным, «технически оснащенным» формам пропагандистской работы проявился в инициативе по направлению в Туркестан специальных агитационных средств. Так, в марте 1919 года председатель Туркестанского краевого партийного комитета А.Ф. Солькин в телеграмме, адресованной в Центр, просил направить в регион агитационно-инструкторский поезд для систематического ведения идейно-политической работы в интересах советской власти².

¹ См.: Султан-Галиев М. Статьи. Выступления. Документы. – Казань: Татарское книжное издательство, 1992. – С. 150–172.

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 65. Д. 92. Л. 4.

В ответной телеграмме из Москвы указывалось, что после «открытия Оренбургской пробки»¹ будут предприняты меры по отправке состава, укомплектованного инструкторами и обеспеченного соответствующей литературой². Упоминание «Оренбургской пробки» в данном контексте отражало прямую зависимость партийно-пропагандистских мероприятий от военно-транспортной обстановки: восстановление устойчивого сообщения по железным дорогам рассматривалось как критическое условие не только для материального снабжения, но и для установления полноценного политического контроля над территорией.

После ликвидации «Оренбургской пробки» и стабилизации транспортного коридора во взаимодействии с командованием революционных войск Туркестанского фронта (Туркфронта) и при активном участии Самарской губернии осенью 1919 года был направлен агитационно-пропагандистский поезд «Красный Туркестан» имени М.В. Фрунзе. Его маршрут был ориентирован прежде всего на населенные пункты вдоль железнодорожных линий как на ключевые узлы коммуникации и мобилизационного ресурса: именно железные дороги обеспечивали концентрацию войск, перемещение кадров, доставку печатной продукции и, следовательно, возможность регулярного повторения пропагандистских воздействий. Практика «агитпоездов» в этот период в целом выступала как инструмент не только информационного влияния, но и административной интеграции окраин в общесоветское политическое пространство, поскольку совмещала разъяснение текущей политики с демонстрацией «присутствия власти» на местах.

Большинство агитаторов-инструкторов в составе поезда составляли татары, проживавшие в Поволжье и Приуралье. Для агита-

¹ «Оренбургская пробка» – термин советской историографии для обозначения блокады Оренбургского железнодорожного узла войсками атамана А.И. Дутова (Оренбургское казачье войско) в 1918–1919 гг., отрезавшей Туркестан от Центральной России. В январе 1918 г. красные захватили Оренбург, но казаки вернули город в июле 1918 г., восстановив блокаду; в 1919 г. после обороны Оренбурга (март–сентябрь) М.В. Фрунзе ликвидировал «пробку», разгромив дутовцев под Актюбинском. Блокада вызвала экономический кризис в Туркестане: прекратился экспорт хлопка и импорт хлеба.

² См.: Известия (Наманган). 1919. 28 марта.

ционно-инструкторской работы были мобилизованы представители Самары, Симбирска, Казани, Уфы и других городов; при этом обеспечение поезда тюркоязычной литературой в значительной степени осуществлялось силами Казанской губернии. Подбор кадров, владеющих тюркскими языками, имел прикладное значение: он позволял адресовать агитационные материалы не только русскоязычной аудитории железнодорожных служащих и военных, но и более широким слоям местного населения, включая ремесленников, крестьянство, а также бойцов национальных частей Туркфронта. Тем самым делалась попытка снизить коммуникативные барьеры, которые нередко препятствовали восприятию советских лозунгов и нормативных установок, транслируемых исключительно на русском языке.

Материально-техническое оснащение поезда подчеркивало комплексный характер воздействия. Помимо газет и брошюр, предназначенных для массового распространения и публичного чтения, в составе поезда имелись передвижной кинотеатр, оркестр и библиотека. Кинопоказы и музыкальные выступления выполняли функцию эмоционально-символической мобилизации, повышая посещаемость мероприятий и создавая благоприятный фон для политических лекций, бесед и собраний. Библиотека и печатный фонд, в свою очередь, обеспечивали более «долгую» форму воздействия – через индивидуальное чтение и последующее обсуждение, что соответствовало задаче формирования устойчивых установок, а не кратковременной лояльности. В результате поезд должен был служить «интересам революции» не только среди населения, проживавшего вдоль железных дорог, но и в национальных воинских частях Туркфронта и в Туркестане в целом, выступая мобильным каналом распространения политической информации, инструктивных материалов и символических практик новой власти.

Учитывая, что значительная часть населения Туркестана не владела русским языком, в практиках советской агитации предпочтение нередко отдавалось художественным и наглядным средствам¹.

¹ Коммуна (Самара). 1921. 5 декабря.

Они позволяли передавать политические смыслы без опоры на сложный текст. Особую роль играли визуальные формы (плакаты, листовки), а также кинопоказы и театрализованные выступления, оказывавшие сильное эмоциональное воздействие.

Подобный акцент на зрелищности объяснялся не только языковым барьером, но и задачами вовлечения населения в новую символическую систему. Революционные праздники, массовые мероприятия и публичные лекции выступали ключевыми инструментами политической социализации в регионе.

В организации и кадровом обеспечении агитпоезда заметную роль сыграл Центральный мусульманский военный комиссариат (ЦМВК). Эта структура выступала ключевым посредником между центром и мусульманскими воинскими формированиями, обеспечивая поезд специалистами, понимающими специфику региона. В числе сотрудников, направленных комиссариатом для работы в качестве агитаторов-организаторов, упоминаются А.И. Якубов и С. Гиззатулин.

Их участие отражало стремление власти опереться на подготовленные кадры, способные вести диалог с местным населением на родном языке и с учетом культурных традиций. Это было принципиально значимо для многоязычной и религиозно неоднородной среды Средней Азии, где обычные агитационные методы могли не сработать.

В дальнейшем А.И. Якубов занял в поезде должность заведующего литературной частью. На этом посту он отвечал за подбор и распределение печатных материалов, а также за их адаптацию под нужды текущей работы. По сути, он выступал «переводчиком» смыслов новой власти, делая тексты листовок и брошюр понятными и близкими для жителей восточных окраин¹. С учетом специфики аудитории Туркестана такая должность предполагала не только административные функции, но и содержательный контроль за тем, насколько распространяемая литература соответствует политической повестке и уровню доступности для читателей и слушателей.

¹ ААП РУз. Ф. 60. Оп. 1. Д. 3281. Л. 224; ГА РТ. Ф. П-15. Оп. 1. Д. 128. Л. 267–268; Д. 359. Л. 266.

Сохранились сведения о том, что в ходе деятельности в Туркестане агитационный поезд регулярно направлял отчетные материалы в Самарский и Казанский губернские комитеты¹. Наличие устойчивой отчетности позволяет рассматривать работу поезда как элемент управляемой кампании с вертикальными каналами контроля и обратной связи: отчеты, как правило, фиксировали маршруты и интенсивность мероприятий, охват аудитории, характер возникших трудностей (в том числе языковых и организационных), а также потребности в дополнительных кадрах и литературе. Тем самым формировалась документальная база, необходимая для коррекции пропагандистской тактики и для согласования деятельности на стыке партийных, военных и губернских структур.

Таким образом, исходя из опыта работы агитационно-инструкторского поезда «Красный Туркестан», а также социально-политической и военной обстановки в Туркестане, Центр принял решение о создании агитационно-инструкторского поезда «Красный Восток». Инициатором и организатором этого проекта выступило Центральное бюро коммунистических организаций народов Востока (ЦБ КОНВ).

24 сентября 1919 г. бюро выдвинуло предложение о создании поезда, особо подчеркнув необходимость использовать все возможности для пропаганды, укрепления советской власти в Туркестане и дальнейшего идейного продвижения. Перед сотрудниками «Красного Востока» были поставлены конкретные задачи: изучение образа жизни населения Туркестана, уровня грамотности земледельцев, сфер влияния религиозных авторитетов.

В связи с этим в конце 1919 года – начале 1920 года по инициативе ЦК РКП(б) и Мусульманского бюро Туркестанской комиссии был организован агитационно-инструкторский поезд «Красный Восток». Согласно документальным свидетельствам, 24 сентября 1919 года Мусульманское бюро обозначило основной целью направления поезда «Красный Восток» в Туркестан внедрение ре-

¹ СОГАСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 257. Л. 33.

волюционных идей в сознание местного населения посредством агитационно-пропагандистской работы¹. Тем самым подчеркивалось, что эффективность кампании зависит от адаптации агитации к языковым, конфессиональным и культурным особенностям региона, а также от способности объяснять смысл советской политики в понятных населению категориях.

Деятельность агитпоезда рассматривалась как необходимое дополнение к военно-силовым акциям. Для преодоления сопротивления большевистской политике в регионе было признано недостаточным опираться лишь на вооруженную борьбу. Требовалось развернуть систематическую идейную и психологическую работу, способную изменить общественные настроения и сформировать лояльность к новым институтам власти.

В этом контексте агитационные поезда выступали не просто средством распространения газет и лозунгов, а мобильными организационными центрами. Они позволяли власти оперативно реагировать на перемены в обстановке, выстраивать живую коммуникацию с местными структурами и, что не менее важно, наглядно демонстрировать присутствие государства на самых далеких окраинах.

В этой работе важную роль играли татары – сотрудники поезда «Красный Восток». Командование Туркестанского фронта предпочитало в основном использовать татарских специалистов, хорошо знавших язык, религию и психологию местного населения².

В целом, исходя из вышеупомянутых соображений, личный состав поезда «Красный Восток» должен был отличаться рядом принципиальных особенностей от агитационных поездов и пароходов, созданных большевиками ранее³. То есть, агитаторы-инструкторы,

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 65. Д. 249. Л. 142.

² *Расулов А., Исакбаев А., Насретдинова Д.* Татары в Туркестане на изломе эпох. Начало XX века. – Казань: ИЯЛИ, 2021. – С. 192.

³ В первые годы Советской власти агитационные поезда и пароходы «Красный казак», «Советский Кавказ», «Октябрьская революция», «В.И. Ленин», «Красный Север», «Красная звезда», «Михаил Калинин», «Памяти Я.М. Свердлова», «Володарский», «Красное знамя» и другие занимались распространением среди масс «идей революции».

направляемые для работы в регионе, должны были подбираться из лиц, хорошо знавших язык, религию, образ жизни и обычаи народов Туркестана. Такой кадровый критерий был важен по двум причинам: он снижал коммуникативные барьеры и одновременно повышал доверие к агитаторам как к «своим» или, по крайней мере, как к компетентным посредникам, способным вести разговор с учетом местных норм. Таким образом, агитаторам-инструкторам на местах предоставлялись полномочия не только пропагандировать идеи революции, но и контролировать деятельность местных органов власти, а при необходимости – исходя из «интересов революции» – направлять их на правильный путь. Фактически речь шла о совмещении пропагандистских функций с элементами инспектирования, что превращало поезд в инструмент административного надзора и корректировки практик управления на местах.

Кроме того, данный агитационный поезд должен был собирать сведения об экономическом положении, о ходе культурно-просветительской работы, а также об отношении местного населения к «социалистической революции» и в конфиденциальном порядке передавать полученную информацию в Центр¹. Такая установка свидетельствует, что агитационно-инструкторская деятельность понималась двусторонне: как распространение политических установок «сверху вниз» и как сбор обратной связи «снизу вверх», необходимой для уточнения линии поведения власти в сложных условиях послевоенного кризиса и региональной специфики. В совокупности перечисленные функции позволяют рассматривать «Красный Восток» не только как средство массовой агитации, но и как мобильный механизм политического контроля, мониторинга и управленческой интеграции Туркестана в общесоветское пространство.

В кадровом обеспечении «Красного Востока» решающую роль сыграл национальный фактор. Как уже отмечалось, в состав поезда привлекались преимущественно татары из Москвы, Петрограда, Поволжья и Приуралья. Особое место в этом процессе занимала

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 65. Д. 249. Л. 142, 142 об.; Ф. 583. Оп. 1. Д. 10. Л. 59; СОГАСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 209. Л. 29–29 об.; Д. 243. Л. 5–5 об.

Казань. Именно здесь функционировала Центральная мусульманская военная коллегия (ЦМВК) – специальный орган, отвечавший за подбор и подготовку агитаторов, политработников, редакторов и переводчиков для работы в Туркестане.

Через ЦМВК проходила основная часть комплектования состава, что решало сразу несколько критических задач. Это обеспечивало не только знание языков, но и глубокую культурную близость пропагандистов к целевой аудитории – тюркским народам Средней Азии. Например, такие сотрудники, как А.И. Якубов и С. Гиззатулин, обладали необходимым пониманием местной среды, что было принципиально значимо для работы в этом регионе.

В дальнейшем А.И. Якубов возглавил литературную часть поезда, где отвечал за подготовку и адаптацию печатных материалов. По сути, благодаря казанской базе, «Красный Восток» получил специалистов, способных переводить идеи новой власти на понятный местному населению язык, превращая поезд из внешнего «пришельца» в понятный и авторитетный голос центра¹.

Ключевое участие в подборе агитаторов, политработников и редакторов для работы в поезде Казанской губернии и находившегося здесь Центрального мусульманского военного комиссариата (ЦМВК) было закономерным. К этому времени Казань уже утвердилась в статусе крупнейшего центра подготовки национальных кадров и производства тюркоязычной печатной продукции.

Город располагал всеми необходимыми ресурсами для оперативного распределения специалистов по линии военно-политических органов. Благодаря этому кадровое обеспечение «Красного Востока» приобрело системный характер: в состав поезда вошли не только группы ораторов и инструкторов, но и полноценный редакционно-издательский блок. Это позволило наладить выпуск и тиражирование агитационных материалов непосредственно в ходе поездки, адаптируя их под конкретные задачи и нужды текущего момента.

¹ *Расулов А., Исабаев А., Насретдинова Д.* Татары в Туркестане на изломе эпох. Начало XX века. – Казань: ИЯЛИ, 2021. – С. 193.

ЦМВК принимала активное участие в материально-техническом обеспечении агитпоезда. Помимо подготовки кадров, комиссариат предоставил современное типографское оборудование, направил квалифицированных наборщиков и необходимый технический персонал.

Благодаря этой поддержке «Красный Восток» превратился в полноценную «издательскую крепость» на колесах. Еще до отправления состава ЦМВК передала значительные тиражи литературы на языках народов Востока, а наличие собственной типографии позволило оперативно допечатывать актуальные материалы прямо в пути. Это техническое оснащение стало фундаментом для успешной пропаганды, позволяя власти говорить с местным населением на его родном языке не только с трибун, но и со страниц многотысячных тиражей газет и листовок.

Так, в связи с подготовкой к отправке агитационно-инструкторского поезда «Красный Восток» в Туркестан, с октября 1919 года по распоряжению Центра в типографиях Казани был начат перевод «книг и брошюр революционного духа» на узбекский и киргизский (казахский) языки. Сам факт централизованного заказа на переводы показывает, что языковая политика в рамках агитационно-пропагандистской работы рассматривалась как первостепенное условие эффективности. Без доступных текстов было затруднительно формировать устойчивые политические представления и обеспечивать единообразие трактовок советских лозунгов.

К 15 ноября 1919 года издание книг и брошюр на тюркских языках для поезда «Красный Восток» было завершено¹. Это позволило обеспечить состав полным комплектом печатных материалов, рассчитанным на широкое распространение как в пунктах остановок, так и среди национальных воинских подразделений.

Анализ документов архивов государственных и общественных организаций Москвы, Казани, Самары, Симбирска и других городов (в том числе материалов бывших партийных архивов) показывает, что Центр при проведении своей политики на местах, в частности

¹ РГАСПИ. Ф. 583. Оп. 1. Д. 44. Л. 157.

в рамках курса на укрепление советской власти в Туркестанской, Бухарской и Хорезмской республиках, достаточно эффективно использовал кадровый потенциал татар и башкир. В свою очередь башкиры и особенно татары, считавшие себя «знаменосцами революции на Востоке», нередко демонстрировали убежденность в «справедливости и правоте» большевистской политики и выступали активными ее пропагандистами¹.

В первые годы советской власти М.Х. Султан-Галиев², зарекомендовавший себя как один из наиболее энергичных идеологов «революции на Востоке», выступал не только теоретиком, но и ключевым стратегом по распространению советского влияния в тюрко-мусульманском ареале³. Его деятельность выходила за рамки концептуальных споров: он курировал масштабные просветительские и агитационные проекты, направленные на советизацию окраин бывшей империи.

Важной вехой в этой работе стала подготовка агитационно-инструкторского поезда «Красный Восток» – мобильного центра

¹ Лишь отдельные татары и башкиры открыто заявляли о том, что «социалистическая революция» не принесет тюркским народам, в частности, народам Туркестана, никакой пользы, а, напротив, причинит вред. Более подробную информацию по этому вопросу см.: *Заки Валиди Тоган*. Воспоминания: Борьба народов Туркестана и других восточных мусульман-тюрков за национальное бытие и сохранение культуры. В 2 кн. – Уфа: Китап, 1994–1998; *Ахметзаки Валиди Тоган*. Не сочтите за пророчество... – Уфа: Китап, 1998; *Юлдашбаев А.М.* Известный и неизвестный Заки Валиди. – Уфа: Китап, 2000.

² Султан-Галиев М.Х. (1892–1940) – выдающийся татарский политический деятель, революционер-мусульманин и теоретик национального коммунизма. Через руководство Центральным мусульманским комиссариатом Наркомнаца РСФСР, участие в создании ТАССР и БАССР, а также публицистику в «Жизнь национальностей» оказал определяющее влияние на формирование советской национальной политики в Поволжье и Востоке, где его идеи о мусульманском пролетариате как союзнике мировой революции и критике «колониализма Запада» легли в основу автономий и антиимпериалистических тезисов 1920-х гг.

³ См.: *Мирсаид Султан-Галиев*. Статьи. Выступления. Документы. Казань: Татарское книжное издательство, 1992. – С. 193–198; *Мирсаид Султан-Галиев*. Избранные труды. – Казань: Гасыр, 1998. – С. 215–222.

политической пропаганды. В середине декабря 1919 года, исполняя обязанности заместителя председателя Центрального бюро Коммунистических организаций народов Востока (ЦБ КОНВ), Султан-Галиев направил серию обращений в Казанский губком. В них он настаивал на срочной мобилизации квалифицированных кадров для работы в составе поезда и выделении значительных средств – около 300 тысяч рублей – на нужды типографии «Восточная литература» для закупки арабских шрифтов и издания литературы на тюркских языках¹.

Несмотря на то, что М. Султан-Галиев не всегда участвовал в повседневном управлении Туркестаном напрямую, его влияние на регион было определяющим. Именно благодаря его протекции основной кадровый костяк агитпоезда «Красный Восток», направленного в Туркестанскую АССР и Бухарскую НСР, составили представители татарской интеллигенции и активистов. Султан-Галиев рассматривал татарские кадры как наиболее подготовленных проводников революционных идей, способных адаптировать марксистскую риторику к местному менталитету².

Подобные запросы отражают представление руководства КОНВ о первостепенной роли печатного слова и переводов: без оперативного снабжения поезда шрифтами, бумагой и кадрами невозможно было наладить регулярный выпуск материалов, рассчитанных на многоязычную аудиторию Туркестана. В организационном отношении речь шла о формировании мобильного агитационного комплекса, способного сочетать устную политическую работу с массовым распространением печатной продукции, что в 1919–1920 годы являлось типичной практикой советских агитационных поездов.

Проживавшие в Казани татарские просветители восприняли известие о направлении поезда «Красный Восток» в Туркестан для пропаганды идей революции с особым воодушевлением. На различных собраниях, проходивших в Казанской губернии, наряду с под-

¹ РГАСПИ. Ф. 583. Оп. 1. Д. 45. Л. 3; ГА РТ. Ф. П-868. Оп. 1. Д. 218. Л. 337; *Акрамов А.* Братская помощь русского народа в строительстве социализма в Узбекистане. – Ташкент: Узбекистан, 1982. – С. 84–85.

² *Расулов А., Исакаев А., Насретдинова Д.* Татары в Туркестане на изломе эпох. Начало XX века. – Казань: ИЯЛИ, 2021. – С. 103.

черкиванием исторической миссии татар среди тюркских народов Туркестана, высказывалась надежда, что поезд «Красный Восток» «откроет светлые дни и укажет правильный путь»¹. В подобных высказываниях заметно соединение идеологических ожиданий с просветительской риторикой: поезд мыслился как символ нового порядка и одновременно как инструмент культурного пробуждения, способный ускорить распространение грамотности, политических знаний и современных форм общественной мобилизации.

Таким образом, исходя из всех этих вышеперечисленных задач, в число первых мобилизованных для работы в регионе были включены Махмут Будайли, Шагит Ахмадиев, Мухитдинов, Файзрахман Султан-Бек и другие представители татарской интеллигенции.

Этот факт принципиально важен для понимания кадровой конфигурации поезда: наличие значительного числа специалистов из татарско-мусульманской среды позволяло вести агитацию с учетом языковых и конфессиональных особенностей региона. Они выступали эффективными посредниками между местными сообществами и новыми советскими институтами. Одновременно в архивных документах многократно подчеркивается, что основная часть литературы на тюркских языках была издана в Казани². Это еще раз подчеркивает исключительную роль казанских типографий в идеологическом обеспечении пропагандистских кампаний на восточных окраинах бывшей империи.

Агитационно-инструкторский поезд «Красный Восток» прибыл в Ташкент 13 марта 1920 года. В дальнейшем сотрудники поезда побывали в Самаркандской, Ферганской и Сырдарьинской областях, а также в других городах республики, где на местах вели среди населения политико-воспитательную и агитационно-пропагандистскую работу, сочетая массовые мероприятия с распространением печати. В типографии поезда был налажен выпуск газеты «Қизил Шарқ» («Красный Восток») на узбекском, киргизском (казахском), туркменском, таджикском, татарском и русском языках. Сам факт

¹ ГА РТ. Ф. П-868. Оп. 1. Д. 88А. Л. 133.

² ГА РТ. Ф. П-868. Оп. 1. Д. 229. Л. 62; Д. 547. Л. 2; СОГАСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 74А. Л. 10; ГАРФ. Ф. Р-1252. Оп. 1. Д. 136. Л. 13.

многоязычного издания показывает стремление охватить разноязычные группы населения и одновременно унифицировать интерпретацию политических событий через единый редакционный контроль. Сообщалось, что типография имела возможность выпускать в день 5–6 тысяч экземпляров газет и печатать листовки на различные темы. В издании газет и листовок в типографии поезда большую роль сыграли Вакиф Джалал, Абдулла Гайсин, Низомидинов, Аюпов, С. Мухамадиев, Хисматуллин, Шамсутдинов, Сагдеев¹.

Среди прибывших из Казани в Туркестан в 1920 году в составе бригады агитационного поезда «Красный Восток» был и вышеупомянутый Шагит Гимадулдинович Ахмадиев². Его деятельность стала ярким примером особо активного участия татарской интеллигенции в процессах советского строительства на национальных окраинах. В структуре поезда он занимал ответственную должность редактора многотиражной газеты «Красный Восток», которая как уже отмечалось ранее, издавалась на ряде местных языков³.

Столь широкий языковой охват издания требовал от редактора не только выдающихся организаторских способностей, но и высокой лингвистической компетенции, необходимой для координации сложной работы переводчиков и наборщиков в непростых полевых условиях.

Для Ш.Г. Ахмадиева работа редактором в агитпоезде «Красный Восток» не была профессиональным дебютом: к моменту отправки в Туркестан он уже обладал солидным опытом партийной публицистики и организаторской деятельности⁴. Еще в 1918 году в Казани он

¹ ГАРФ. Ф. Р-1252. Оп. 1. Д. 136; Д. 163. Л. 7, 35 об.; РГАСПИ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 115. Л. 390; Ф. 583. Оп. 1. Д. 10. Л. 510–521; Д. 33. Л. 72; Д. 45. Л. 36; РГВА. Ф. 17. Оп. 1. Д. 109. Л. 229.

² Ш.Г. Ахмадиев впервые прибыл в Туркестан в начале 1920 года. Однако Т. Айди допустил неточность, утверждая, что в 1918 году он организовал в Ташкенте татарское учебное заведение. См.: *Тәүфикъ Әйди*. Тылсымлы көч. Очерктар. – Казан: Татарстан китап нәшрияты, 1987. – 133 б.

³ *Турсунов Х.Т.* Национальная политика Коммунистической партии в Туркестане. – Ташкент: Узбекистан, 1971. – С. 226.

⁴ *Мухарямов М.К.* Труженик революций. – Казань: Татарское книжное издательство, 1988. – С.53; ГА РТ. РТ. Ф. П-868. Оп. 1. Д. 242. Л. 252.

возглавлял редакцию первой советской газеты на татарском языке «Эш» («Труд»), а непосредственно перед мобилизацией руководил газетой «Красная Армия» – официальным органом Центрального мусульманского военного комиссариата.

Накопленный профессиональный опыт позволил ему оперативно наладить выпуск пропагандистских материалов, виртуозно сочетая марксистскую риторику с этнокультурными кодами, привычными для мусульманского населения. Благодаря этому багажу знаний и навыков, он смог адаптировать сложные политические концепции под восприятие восточного читателя, используя понятные ему образы и смыслы.

Несмотря на то, что официально полномочия Ахмадиева ограничивались руководством печатным органом агитпоезда, фактически сфера его влияния была значительно шире. Он не просто курировал мобильную редакцию, но и активно интегрировался в медиапространство Туркестана, публикуя программные статьи в региональной периодике.

Особого внимания заслуживают методы его полевой работы. Ш.Г. Ахмадиев использовал тактику прямого диалога, выступая не только на стихийных митингах, но и на традиционных площадках коммуникации, включая мечети. Подобная агитация в религиозных учреждениях была характерна для раннего, гибкого этапа советской политики на Востоке, когда большевики стремились найти точки соприкосновения между социалистическими идеями и нормами исламской справедливости.

Это требовало от оратора исключительного такта и глубокого знания теологической традиции, которыми Ш.Г. Ахмадиев владел в полной мере. Такое сочетание качеств позволяло ему эффективно транслировать новые политические установки в привычных для местного населения формах, минимизируя культурное отторжение.

Помимо идеологической работы, Ахмадиев выступал в роли своеобразного «социального арбитра». Он инициировал меры по защите интересов местной бедноты, активно противодействуя влиянию байства и защищая дехкан от притеснений. Такая многовекторная деятельность превращала редактора агитпоезда в полноценного

политического комиссара, чьи задачи выходили далеко за рамки классической журналистики.

Впоследствии управленческий и идеологический опыт, полученный в ходе работы агитпоезда, позволил Ш.Г. Ахмадиеву занять ключевые посты в руководстве республикой. Он работал народным комиссаром просвещения Туркестанской АССР, а также являлся редактором влиятельной газеты «Иштиракиюн» («Коммунист»). Анализ деятельности Ш.Г. Ахмадиева показывает, что он отличался самоотверженностью в служении интересам простого народа и последовательно отстаивал идеи сотрудничества тюркских народов в рамках советского проекта¹.

На посту наркома просвещения он внес весомый вклад в кадровое укрепление образовательной системы региона. Он активно содействовал привлечению в школы и культурные учреждения Туркестана с 1920 года квалифицированных учителей и работников культурно-просветительной сферы из Казани, Уфы, Оренбурга, Самары и других поволжских городов. Помимо решения кадрового вопроса, Ахмадиев сыграл важную роль в материально-техническом обеспечении местной печати, организовав доставку в типографии края арабских шрифтов (мусульманского шрифта) и полиграфического оборудования, дефицит которых остро ощущался в республике. Кроме того, масштаб его личности как политического деятеля подтверждается участием в работе высших органов власти сопредельных территорий: он входил в состав Революционного комитета Бухарской Народной Советской Республики (БНСР), где также курировал вопросы организации культурно-просветительной работы и создания новой советской интеллигенции².

¹ ААП РУз. Ф. 60. Оп. 1. Д. 785. Л. 37; Д. 1717. Л. 9; ГА РТ. Ф. П-868. Оп. 1. Д. 242. Л. 206, 251; См.: Известия (ТуркЦИК). 1920. 5 марта.

² См. также: ААП РУз. Ф. 60. Оп. 1. Д. 691. Л. 86; Д. 980. Л. 44, 50; Д. 984. Л. 211; Д. 1163. Л. 22–24 об.; Д. 1516. Л. 43; Д. 1686. Л. 30; Д. 1691. Л. 16; Д. 1717. Л. 9–10; Ташкентский областной отдел при ГАП РУз. Ф. 18. Оп. 1. Д. 424. Л. 20; НА РУз. Ф. 25. Оп. 1. Д. 419. Л. 1; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 65. Д. 379. Л. 19; Ф. 61. Оп. 1. Д. 51. Л. 4, 10, 13, 35; Ф. 583. Оп. 1. Д. 45. Л. 6; ГА РТ. Ф. П-15. Оп. 1. Д. 348. Л. 45; Ф. П-868. Оп. 1. Д. 242. Л. 252.

Таким образом, агитационный поезд «Красный Восток» начал свою активную деятельность в Туркестане, следуя целям и задачам новой Советской власти и ее пониманию национальной политики.

В ходе своей первой масштабной экспедиции в Туркестан, продолжавшейся с января по июнь 1920 года, деятельность агитпоезда охватила колоссальную территорию. Маршрут пролегал через пять областей, включая 31 город и уездный центр, 95 кишлаков и аулов, а также 49 волостей. Столь разветвленная сеть перемещений позволила выйти за пределы крупных железнодорожных узлов и индустриальных центров. Проникновение агитаторов вглубь сельских районов, где традиционные уклады и влияние духовенства были особенно сильны, имело решающее значение для легитимации нового политического строя в глазах дехканства.

Масштаб проведенной работы подтверждается статистическими данными: за указанный период агитбригада провела среди населения 394 митинга, направленных на организацию идейно-политической работы в крае и разъяснение целей советского строительства. В этих массовых мероприятиях приняло участие более 123 тысяч представителей местного населения, что для того времени являлось внушительным показателем охвата аудитории, учитывая слабую плотность заселения и транспортные трудности.

Важнейшим направлением деятельности поезда была издательская работа. В походной типографии, размещенной в вагонах состава, было оперативно набрано и отпечатано на языках народов Туркестана и на русском языке 37 тысяч экземпляров стеновых газет и 187 тысяч листовок. Эти материалы, отличавшиеся доступностью изложения и наличием лозунгов на родных языках населения, служили основным средством донесения декретов, воззваний и политических новостей до неграмотных и малограмотных слоев.

Наряду с печатной и митинговой пропагандой активно использовались просветительские формы воздействия. Было прочитано 68 лекций на общественно-политические и образовательные темы, слушателями которых стали 37 485 человек. Кроме того, сотрудники поезда провели более 30 расширенных собраний в волостях

с суммарным участием 153 тысяч человек, что способствовало вовлечению местного актива в советскую работу. Особую популярность завоевали визуальные средства агитации: было организовано 178 киносеансов, собиравших большие аудитории и выполнявших функцию эмоциональной мобилизации зрителей, многие из которых видели кино впервые.

Не менее значимым итогом экспедиции стало укрепление местной культурно-образовательной инфраструктуры. По линии агитпоезда различным организациям, школам, читальням и частным лицам было передано 3 078 комплектов агитационных библиотек, включавших 186 тысяч различных книг, 58 тысяч листовок и 5 500 плакатов¹. Такое массовое распространение литературы заложило основу для формирования сети советских библиотек и красных уголков в Туркестане, обеспечив их первичным книжным фондом и наглядными пособиями.

15 июля 1920 года агитационный поезд «Красный Восток» завершил свой первый масштабный рейс и вернулся из Туркестана в Москву. На основе тщательного анализа отчета, представленного в Центр по итогам экспедиции, высшее руководство большевистской партии пришло к выводу о высокой эффективности данной формы работы и целесообразности вновь направить этот состав в Туркестан для закрепления достигнутых результатов в интересах Советской власти.

При этом подготовка ко второй поездке приобрела качественно иной характер: если ранее организаторы опирались преимущественно на теоретические схемы, то теперь представления сотрудников агитационного поезда о реальной социально-политической обстановке в регионе были существенно дополнены и скорректированы практическим опытом.

Политработники и инструкторы поезда получили гораздо более четкое и детализированное представление о специфике региона. Эмпирический опыт позволил им определить, на какие именно

¹ *Меженина Е.М.* Агитпоезд «Красный Восток». – Ташкент: Госиздат УзССР, 1962. – С. 46.

аспекты следует обратить первостепенное внимание для усиления идейно-политической и культурно-просветительной работы, чтобы она была понятна дехканскому населению и не вызывала отторжения. Стало очевидно, что для успешной интеграции Туркестана в советское пространство требуются не только общие лозунги, но и глубокое понимание местных обычаев, а также качественная полиграфическая база на национальных языках.

В связи с этим перед повторной отправкой поезда «Красный Восток» в Туркестан была организована специальная командировка организаторов в регионы Поволжья и Приуралья. Целью этой миссии стал подбор высококвалифицированных кадров – педагогов, журналистов, переводчиков – для работы как в самом агитационном поезде, так и в стационарных учреждениях областей Туркестана. Кроме того, ставилась задача масштабного пополнения материально-технической базы: требовалось приобретение актуальной литературы, специализированного мусульманского (арабского) шрифта и недостающего типографского оборудования.

Документальным подтверждением приоритетности этой задачи служит удостоверение, выданное Мусульманским бюро Туркестанской комиссии ответственным сотрудникам поезда «Красный Восток» Ш.Г. Ахмадиеву и М.К. Будаили. В мандате четко регламентировался маршрут и содержание их поручения: указывалось, что они «...срочно командированы в Казань, Чистополь, Мамадыш, Самару, Уфу для закупки восточной литературы, шрифта, типографского оборудования и подбора кадров, пригодных для работы в Турккомиссии»¹. География командировки охватывала ключевые центры татарской культуры и книгопечатания, что подчеркивало стремление Центра использовать интеллектуальный и технический ресурс Поволжья для модернизации Туркестана.

В процессе привлечения квалифицированных кадров для работы в агитационном поезде «Красный Восток» активное и деятельное участие принимал также уроженец Казани Вали Сулейманович Шафигуллин, чья роль в организации советской печати на

¹ РГАСПИ. Ф. 583. Оп. 1. Д. 185. Л. 205–206.

национальных языках была весьма значительной. К этому времени он уже зарекомендовал себя как опытный партийный публицист и организатор печати: В.С. Шафигуллин являлся редактором ряда изданий, издававшихся в Казанской губернии. Будучи не только известным журналистом, но и профессионалом, досконально знавшим специфику издательского дела, он обладал широкими связями в профессиональной среде, лично зная многих наборщиков, корректоров и своих коллег-редакторов. Этот социальный капитал позволил ему эффективно решать кадровые вопросы, привлекая к сотрудничеству надежных специалистов, способных работать в сложных условиях походной типографии. В.С. Шафигуллин активно участвовал в подготовительном этапе формирования команды агитационного поезда, обеспечивая его интеллектуальный и технический ресурс, а впоследствии и сам непосредственно работал в Туркестане. Там он выполнял функции политического инструктора¹, используя свой опыт для налаживания информационной работы и укрепления связей между советскими органами и местным населением.

В структуре агитационного поезда «Красный Восток» особое место занимало бюро жалоб и заявлений, должность заведующего которым исполнял Ф.Ф. Султан-Бек, мобилизованный для этой работы из Мамадышского уезда Казанской губернии. Создание такого подразделения отражало стремление центральной власти установить прямой канал обратной связи с населением и снизить градус социального напряжения в регионе.

В задачи данного отдела входило систематическое изучение – а фактически, инспекторская проверка – фактов неправомερных действий местных органов Советской власти, а также злоупотреблений отдельных партийных и советских работников по отношению к рядовым жителям. Подобный механизм позволял оперативно выявлять перегибы на местах и демонстрировать дехканскому населению готовность центрального руководства выступать гарантом

¹ РГАСПИ. Ф. 583. Оп. 1. Д. 10. Л. 51–52; Д. 44. Л. 156; ГА РТ. Ф. П-868. Оп. 1. Д. 242. Л. 153, 170, 206.

законности и справедливости в условиях формирования нового политического режима.

Деятельность бюро носила выездной и оперативный характер. Члены отдела под непосредственным руководством Ф.Ф. Султан-Бека регулярно выезжали в отдаленные кишлаки, аулы и уездные города, где на местах занимались выявлением и фиксацией нарушений законности со стороны низовых советских и партийных структур. Такая работа была крайне востребована, поскольку произвол местных властей нередко дискредитировал саму идею советского строя в глазах населения. Эффективность работы бюро подтверждается статистическими данными: так, только в Самаркандской области всего за 15 дней активной деятельности в отдел жалоб и заявлений поступило 394 обращения. Столь значительный поток заявлений свидетельствовал о высоком доверии к представителям агитпоезда как к «третейским судьям», способным восстановить справедливость.

Сотрудники отдела стремились не просто регистрировать нарушения, но и оперативно реагировать на них: обоснованные жалобы, как правило, решались непосредственно на местах, что позволяло быстро устранять конфликты и возвращать незаконно изъятое имущество или восстанавливать права граждан. Большую роль в эффективном и справедливом рассмотрении поступающих заявлений и жалоб сыграл также Ш.Х. Муратов, занимавший должность заведующего отделом на одном из этапов работы поезда. Его компетентность и умение разбираться в сложных ситуациях не остались незамеченными: впоследствии Ш.Х. Муратов был привлечен к ответственной партийной работе в качестве инструктора в Андижанском уездном партийном комитете, где продолжил заниматься вопросами партийного строительства и контроля¹.

¹ РГАСПИ. Ф. 583. Оп. 1. Д. 33. Л. 7; Д. 45. Л. 7; Ф. 61. Оп. 1. Д. 93. Л. 17, 578; ААП РУз. Ф. 60. Оп. 1. Д. 1704. Л. 172; ГА РТ. Ф. П-868. Оп. 1. Д. 226. Л. 123; ГААО. Ф. 90. Оп. 1. Д. 99. Л. 20–20 об.; Борцы за счастье народное: сб. очерков. В 3 кн. Кн. 3 / сост. С.С. Елизарова, Г.К. Касимов. – Казань: Татарское книжное издательство, 1988. – С. 314–318.

Однако следует отметить, что данный агитационный поезд далеко не всегда осуществлял свою деятельность в рамках строго определенных правовых норм и декларируемых правил культурно-просветительской работы. На практике его функции нередко выходили за пределы агитации, приобретая черты прямого административно-силового вмешательства в дела региона. Ярким примером подобной практики стали события в Андижане, где сотрудники агитационного поезда «Красный Восток» инициировали масштабную чистку местного аппарата управления. Только в ходе одной этой акции были арестованы 64 руководящих работника, которых впоследствии под конвоем доставили в Ташкент для проведения следственных действий.

Результатом столь жестких мер стал фактический разгром прежнего состава администрации: партийные и советские органы Андижанского уезда и самого города были принудительно обновлены, а на ключевые посты назначены новые, лояльные Центру кадры. Это показывает, что деятельность сотрудников поезда имела двойственный характер: с одной стороны, она была направлена на борьбу с возможными злоупотреблениями, но с другой – приводила к дискредитации местных руководящих кадров, подрывая доверие к формирующейся национальной бюрократии. Вместо методической помощи и политического воспитания, представители поезда порой прибегали к репрессивным методам управления, фактически подменяя собой судебные и следственные органы.

В сложившейся ситуации агитационный поезд «Красный Восток» фактически трансформировался из инструмента «мягкой силы» и пропаганды в мобильный орган чрезвычайного контроля, фактически выполнявший функции силовых структур¹. Подобные методы управления, сопряженные с уголовными преследованиями и принудительной ротацией кадров, неизбежно влияли на социально-политический климат в регионе. В ряде случаев это приводило к росту напряженности во взаимоотношениях между центральными органами власти и представителями местных элит, поскольку жест-

¹ См. также: *Шамсутдинов Р.Т.* Истиклол йўлида шахид кетганлар. – Тошкент: Шарқ, 2001. – Б. 35–38, 42, 44–46, 89, 165–166, 183.

кое административное вмешательство воспринималось как недоверие к национальным кадрам.

8 сентября 1920 года агитационный поезд «Красный Восток» прибыл на территорию БНСР, что ознаменовало новый этап его деятельности в регионе. Прибытие состава совпало с периодом сложной политической трансформации, когда после свержения эмирата происходило становление новых институтов власти. В этих условиях политические работники и инструкторы поезда сосредоточили основное внимание на идеологическом обеспечении перемен: ключевой задачей стало разъяснение широким слоям населения преимуществ нового народно-демократического строя, пришедшего на смену традиционной монархической системе управления.

Помимо агитации, сотрудники поезда активно включились в административное строительство, принимая непосредственное участие в формировании партийных и советских органов БНСР, провозглашенных незадолго до этого. Республика испытывала острейший кадровый голод: ощущалась критическая нехватка квалифицированных специалистов во всех сферах – от учителей и инженеров до журналистов и опытных управленцев. Особенно дефицитными были кадры для специфических направлений работы, таких как деятельность среди женского населения, требовавшая особого подхода в условиях традиционного общества.

В ответ на запросы местного руководства значительная часть сотрудников агитпоезда была переведена на стационарную работу. Так, по официальной просьбе Народного назирата (комиссариата) просвещения БНСР к культурно-просветительной работе на местах были привлечены Ариф Алпаров, Ходи Файзий и Биккулов, которые заняли ответственные посты в структуре образовательного ведомства. Их опыт был необходим для создания сети светских школ и ликвидации неграмотности.

Другая группа специалистов усилила силовой и партийный блоки: Ш. Ахмадиев, Х. Чанышев и Ф. Султан-Бек были направлены на работу в аппарате Бухарской коммунистической партии и Народном назирате внутренних дел БНСР, где занимались вопросами партийного строительства и обеспечения правопорядка.

Отдельное внимание уделялось информационной инфраструктуре: М. Будаили и Хабибуллин получили назначение на организацию Государственного издательства в Бухаре, призванного стать центром печати новой республики.

В этой связи представляется целесообразным подробнее остановиться на деятельности Махмута Кашфельгадиевича Будаили¹, который совмещал в поезде должности секретаря газеты «Красный Восток» и военного инструктора. Его роль в становлении издательского дела БНСР была неслучайной: М. Будаили не только хорошо знал специфику Туркестана, но и обладал уникальным профессиональным опытом. В решении сложных типографских проблем ему помогал практический опыт, полученный еще в 1912–1915 годах в Троицкой типографии «Энергия». Там он прошел путь от наборщика до сотрудника редакции, сотрудничая с влиятельным сатирическим журналом «Акмулла», а также с выходившей в Ташкенте газетой «Садои Туркистон». Более того, еще с 1914 года он работал в Ташкенте в качестве корреспондента журнала «Акмулла», что позволяло ему глубоко понимать информационные запросы и культурный код местной аудитории².

М. Будаили был родом из Мамадышского уезда Казанской губернии и, помимо родного татарского языка, свободно владел узбекским, киргизским (казахским), арабским и русским языками, что позволяло ему без затруднений вести агитационную и редакторскую работу как среди местного мусульманского, так и среди русскоязычного населения. Такая языковая компетенция была ред-

¹ Будаили (Будаилов, Будаилиев) М.К. (1895–1975) – татарский политический деятель, журналист и писатель. Окончил медресе в Троицке. В годы Гражданской войны – председатель Совета воинов-мусульман 11-й армии, редактор газет «Иптэш» и «Мамадыш тавышы». В 1920 г. – редактор газеты «Кызыл Шарык» агитпоезда ВЦИК «Красный Восток». Занимал посты наркома печати Бухарской НСР и чрезвычайного посла РСФСР в Хорезмской НСР. В ТАССР работал замнаркома здравоохранения и юстиции, был первым редактором журнала «Чаян». Неоднократно репрессирован (1930, 1938, 1949 гг.) по обвинению в «султангалиевщине». Полностью реабилитирован в 1955–1989 гг.

² *Гарифуллин Д. Мэхмүт Бөдэйли // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2003. № 1/2. – Б. 147–149.*

костью и чрезвычайно ценилась в условиях полиэтничного региона. В Бухаре перед М. Будаили стояла сложная задача: ему предстояло с нуля наладить деятельность новой советской прессы и государственной типографии, способной обеспечить информационные потребности молодой республики.

Однако ситуация оказалась крайне неблагоприятной. Из-за острого дефицита необходимых специалистов, отсутствия исправного типографского оборудования, нехватки опытных наборщиков, журналистов-организаторов и, что особенно критично, мусульманского (арабского) шрифта государственная типография фактически не функционировала¹. Чтобы переломить ситуацию, руководство БНСР приняло решение оставить М. Будаили и нескольких квалифицированных наборщиков из состава поезда «Красный Восток» для организации и запуска издательского дела в республике. Благодаря их энергичным и целенаправленным усилиям уже с сентября 1920 года начала регулярно выходить газета «Ахбори Бухоро» («Бухарские известия») под редакцией М. Будаили. Одновременно была налажена публикация и русскоязычной газеты «Известия Бухары», что обеспечивало информационное присутствие новой власти в обеих языковых средах.

Однако издание газет на временной материальной базе не могло быть долгосрочным решением. В дальнейшем, с целью обеспечить стабильный и регулярный выпуск газет, правительственных воззваний, агитационных листовок и плакатов, М. Будаили предпринял

¹ Первым периодическим изданием в Бухаре была персоязычная газета «Бухоро-и шариф» («Благородная Бухара»), первый номер которой вышел 11 марта 1912 года. С 14 июля того же года при редакции этого издания начала выходить узбекоязычная газета «Турон», издававшаяся трижды в неделю. Оба издания функционировали до 2 января 1913 года. Эти газеты, выходявшие под надзором российской политической агентуры (дипломатической миссии) в Бухаре, печатались в Новой Бухаре (современный Каган) и распространялись как на территории эмирата, так и в ряде городов соседнего Туркестанского генерал-губернаторства. Однако по прямому распоряжению эмира выпуск «Бухоро-и шариф» и «Турон» был прекращен ввиду активной реформаторской пропаганды и идей джадидизма, которые они транслировали. См. также: Пудаев Т. Магбуот – миллат чироғи. – Тошкент: Ўзбекистон миллий энциклопедияси, 1999. – Б. 45–47.

практический шаг по восстановлению типографской инфраструктуры. Ему удалось обнаружить и привести в рабочее состояние типографское оборудование, брошенное и частично разрушенное в саду бывшего бухарского эмира. Это оборудование, вероятно оставшееся от дореволюционных попыток модернизации, было отремонтировано силами небольшой команды энтузиастов.

Тем не менее даже при наличии функционирующей типографии по-прежнему остро не хватало квалифицированных наборщиков, специалистов по литографии и, что особенно критично, достаточного количества мусульманского шрифта для набора текстов на узбекском и других тюркских языках. По инициативе М. Будаили и при поддержке центральных органов из Казани – традиционного центра тюркоязычного книгопечатания – были оперативно доставлены недостающие специалисты и комплекты арабского шрифта, что позволило значительно увеличить производственные мощности издательства. Таким образом, М. Будаили фактически стал основателем и первым руководителем Государственного издательства Бухарской Народной Советской Республики¹, заложив основу для развития советской печати в регионе.

В последующие годы М.К. Будаили продолжал активную деятельность на различных ответственных должностях в Туркестане и Хорезмской НСР, работая в общественно-политической и культурно-просветительской сферах². После завершения работы в БНСР, начиная с 1921 года, он занимал должность ответственного секретаря киргизского отдела при Туркестанском Центральном исполнительном комитете (ТуркЦИК), а затем был назначен заместителем

¹ ААП РУз. Ф. 60. Оп. 1. Д. 1090. Л. 47; Оп. 2. Д. 69. Л. 42–43 об., 46; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 12. Д. 570. Л. 15–16; Ф. 122. Оп. 1. Д. 66. Л. 109; Д. 67. Л. 10А; Ф. 583. Оп. 1. Д. 74. Л. 58; ГА РТ. Ф. П-15. Оп. 1. Д. 226. Л. 123; Д. 229. Л. 62; ГАРФ. Ф. Р-1252. Оп. 1. Д. 163. Л. 7.

² После деятельности в БНСР с 1921 года он сначала работал ответственным секретарем киргизского отдела при ТуркЦИК, а затем – заместителем в представительстве РСФСР при ХНСР. См.: РГАСПИ. Ф. 61. Оп. 1. Д. 93. Л. 76–77; Д. 10. Л. 71; ААП РУз. Ф. 60. Оп. 1. Д. 1681. Л. 64. Кроме того, он работал инструктором ЦК Бухарской коммунистической партии, а также народным комиссаром по делам печати. См.: *Гарифуллин Д. Мохмұт Бөдәйли // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2003. № 1/2. – Б. 148.*

в представительстве РСФСР при Хорезмской НСР, где участвовал в координации межреспубликанских связей. Кроме того, он работал инструктором Центрального комитета Бухарской коммунистической партии, а также занимал пост народного комиссара по делам печати, курируя вопросы цензуры, распространения печатной продукции и развития местной журналистики.

Сотрудники агитационного поезда «Красный Восток», выполняя директивы центрального руководства, осуществляли системную деятельность среди многонационального населения Туркестана и БНСР. Их работа носила комплексный характер и была направлена на решение двуединой задачи: с одной стороны – на политическое и административное укрепление институтов новой «революционной власти», а с другой – на масштабную организацию культурно-просветительной работы, призванной интегрировать местное население в советское социокультурное пространство.

В кадровом обеспечении данного агитационно-инструкторского поезда ключевая роль отводилась представителям тюркоязычных народов России. Для работы в качестве политработников, наборщиков типографии и инструкторов активно привлекались татары и башкиры, проживавшие в губерниях Поволжья и Приуралья. Эта мобилизационная стратегия опиралась на культурную и языковую близость тюркских народов, что позволяло агитаторам эффективно преодолевать коммуникативные барьеры при взаимодействии с местным населением. В числе ключевых фигур, работавших в составе поезда, были такие деятели, как вышеупомянутые Ш.Г. Ахмадиев, В.С. Шафигуллин, М.М. Муштари, Ф.Ф. Султан-Бек, А. Алпаров, М.К. Будайли, так и такие фигуры как Х.А. Чанышев, К. Хуснутдинов, А. Хуснитдинов, Г.С. Латыпов, Б.Д. Белоусов, И.Х. Муратов и многие другие.

Значимость этого «кадрового десанта» подтверждается тем фактом, что миссия многих сотрудников не ограничилась временем пребывания поезда в регионе. По официальным просьбам руководства Туркестанской АССР и БНСР многие специалисты остались в Средней Азии на постоянную работу. В последующие

годы они принимали самое активное участие в мероприятиях по стабилизации сложной общественно-политической обстановки, а также в налаживании системной культурно-просветительной деятельности – от создания сети советских учреждений и школ до организации национальной прессы¹.

Вторая экспедиция агитационного поезда «Красный Восток» в Туркестан, продолжавшаяся с августа 1920-го по февраль 1921 года, ознаменовала качественный переход в методах интеграции региона в состав советского государства. Представленная в данном издании фотоколлекция документирует преимущественно начальный этап этой миссии, совпавший с периодом радикальных политических трансформаций в Средней Азии. В отличие от первого рейса 1919 года, имевшего преимущественно декларативный характер, данная кампания опиралась на расширенную материально-техническую базу: состав функционировал как автономный административно-политический центр. В его распоряжении находились походная типография, выпускавшая периодику на местных языках, библиотека-читальня, радиостанция и киноустановка для демонстрации агитационных лент.

Работа сотрудников поезда в этот период была переориентирована с общей пропаганды базовых декретов на практическое государственное и партийное строительство. Основной акцент делался на формировании низовых органов власти, профсоюзных ячеек и комитетов союза «Кошчи», призванных объединить беднейшее дехканство. Особое место в программе экспедиции занимала углубленная работа с женскими отделами (Женотделами) и молодежными организациями, что требовало от персонала поезда учета специфики местного быта и религиозных традиций. Фотоматериалы фиксируют не только митинговую активность, но и процессы юридического консультирования населения, а также работу по разъяснению принципов новой экономической политики и земель-

¹ ГАРФ. Ф. Р-1252. Оп. 1. Д. 163. Л. 6; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 12. Д. 670. Л. 15–16; Оп. 60. Д. 17. Л. 8; Ф. 583. Оп. 1. Д. 220. Л. 129; СОО ААП РУз. Ф. 31. Оп. 1А. Д. 188. Л. 78; ГААО. Ф. 90. Оп. 1. Д. 99. Л. 20–21 об.

но-водной реформы. Таким образом, деятельность «Красного Востока» в 1920 году стала инструментом глубокого институционального проникновения центральной власти в социальную структуру Туркестанского края.

Особое стратегическое значение в маршруте поезда имела Ферганская долина, включая Кокандский, Наманганский, Худжандский, Андижанский и Скобелевский уезды. Выбор данных территорий диктовался их статусом ключевых экономических и хлопководческих центров Туркестанской АССР, а также крайне сложной военно-политической обстановкой. В 1920 году регион оставался главным очагом антисоветского сопротивления, где формирования басмаческого движения пользовались поддержкой части местного духовенства и традиционных элит. В условиях острого столкновения старого быта с новой административной системой идеологическая работа требовала от персонала поезда глубокого понимания местной специфики. Успех миссии в Фергане напрямую связывался с возможностью стабилизировать регион и лишить вооруженное подполье социальной базы, переориентировав симпатии дехканства на сторону новой власти через механизмы социальной и земельно-водной реформ.

Кроме того, поезд «Красный Восток» вел масштабную работу по укреплению идейно-политической деятельности в партийных и советских органах на более широком пространстве – в Закаспийской и Самаркандской областях, а также в формально суверенной, но фактически зависимой от советской помощи БНСР. Инструкторы поезда выступали в роли внешних аудиторов и наставников: они регулярно инспектировали местные исполкомы и парткомы, выявляя кадровые и организационные проблемы. Сотрудники агитпоезда, включая Ф.Ф. Султан-Бека, проводили обучающие семинары для работников аппарата и помогали налаживать современное делопроизводство, что было критически важно для становления эффективного государственного управления в регионе.

Параллельно среди широких масс населения систематически осуществлялась политико-воспитательная работа, призванная легитимизировать новый режим. Проводилась интенсивная агитация и пропаганда, направленные на разъяснение ключевых законодательных актов, прежде всего декретов о земле и воде, которые затрагивали жизненные интересы дехканства. Отдельное внимание уделялось борьбе с религиозными «пережитками» и традиционными практиками, которые трактовались как тормоз прогресса¹. Главной целью этой кампании было укрепление авторитета новой власти, которая позиционировала себя как единственный гарант социальной справедливости и защитник интересов трудового народа. Таким образом, деятельность агитпоезда способствовала постепенной интеграции разнородных территорий региона в единую советскую политико-правовую систему.

Как видно из приведенных фактов, культурно-просветительные и информационные связи между Туркестаном и регионами Поволжья и Приуралья имели стратегическое значение для утверждения новой власти на Востоке. Это объясняется тем, что руководство большевистской партии было кровно заинтересовано в интенсификации идейно-политических контактов между губерниями Центральной России и национальной периферией.

Такая интеграция рассматривалась как необходимый инструмент для унификации политического пространства и широкого распространения идей нового строя в среде, где позиции революции были еще слабы. Использование кадров из Поволжья, таких как Ф.Ф. Султан-Бек, позволяло Центру транслировать свои установки через понятные местному населению культурные коды, превращая агитпоезд «Красный Восток» в эффективный механизм политической и социальной синхронизации различных регионов страны.

Стремление к координации усилий проявлялось в конкретных инициативах на межрегиональном уровне. Так, летом 1920 года Центральный комитет Туркестанской коммунистической партии

¹ См.: ААП Рес. Турк. Ф. 4. Оп. 1. Д. 146. Л. 126.

(КПТ) выступил с официальным предложением к партийным комитетам центральных губерний России о налаживании системных взаимных связей.

В директивном письме, направленном, в частности, в Самарский губком, говорилось: «Туркестанская КП предлагает Вам вести взаимный обмен информационными и инструктивными материалами... надеемся, что установлению этих связей будет способствовать и взаимный обмен периодической печатью»¹. Этот документ демонстрирует попытку Ташкента преодолеть информационную изоляцию и получить доступ к методическим работам более опытных парторганизаций.

Реакция на подобные запросы была, как правило, оперативной и конструктивной, поскольку соответствовала общей линии Центра. В свою очередь Самарский губернский комитет партии уже с 1 июля 1920 года начал на регулярной основе направлять в Туркестан комплекты периодической печати губернии, а также инструктивные и агитационные материалы, необходимые для организации партийной работы на местах². Подобный документооборот создавал единый информационный каркас, в рамках которого действовали и сотрудники агитпоезда «Красный Восток», включая Ф.Ф. Султан-Бека, обеспечивая синхронность политических процессов в разных частях страны.

Важно отметить, что во взаимных связях была заинтересована не только Туркестанская республика, испытывавшая кадровый и информационный голод, но и сами центральные губернии России, в частности регионы Поволжья и Приуралья, для которых Туркестан представлял интерес как сырьевая база и фронт революции. Имеющиеся архивные источники свидетельствуют о наличии устойчивого двустороннего интереса: из Пензенской, Оренбургской, Самарской, Казанской и Калужской губерний в адрес руководства Туркестанской республики, а также непосредственно в исполнительные органы Самаркандской, Ферганской

¹ ААП РУз. Ф. 60. Оп. 1. Д. 689. Л. 4–4 об.

² СОГАСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 257. Л. 23–24.

и Закаспийской (Туркменской) областей поступали многочисленные обращения. В них содержались просьбы регулярно присылать информацию и печатные материалы для более полного и объективного ознакомления с социально-политическим, экономическим, военным и культурно-просветительным положением в Средней Азии¹. Такой обмен позволял губернским центрам России лучше понимать специфику Востока и корректировать свои мобилизационные и пропагандистские кампании.

Впоследствии, по мере стабилизации военно-политической обстановки, информационные и культурные связи по линии периодической печати между Туркестаном и регионами Поволжья и Приуралья получили дальнейшее развитие и институциональное оформление. В этом направлении Туркестан наладил тесные и разветвленные контакты не только с административными центрами – Москвой и Петроградом, но и с ключевыми точками тюрко-мусульманского мира внутри России – Казанью, Уфой, Баку, а также с такими губернскими городами, как Пенза и Самара.

Одной из фундаментальных причин столь глубокого укоренения периодических связей именно с Поволжьем и Приуральем являлся человеческий фактор: значительная часть партийных и советских работников, военных специалистов, а также деятелей культурно-просветительной сферы была мобилизована именно из этих регионов. Привлеченные в Туркестан для защиты революции и государственного строительства, они сохраняли живой интерес к событиям на малой родине и нуждались в информационной подпитке. Так, в 1921 году Закаспийская областная партийная комиссия Туркестанской КП в официальном обращении в Пензенский губком просила регулярно направлять для работающих в области пензен-

¹ ААПРУз. Ф. 60. Оп. 1. Д. 689. Л. 1–1 об., 4–4 об.; Ф. 61. Оп. 1. Д. 34. Л. 170–171; СОО ААПРУз. Ф. 31. Оп. 1А. Д. 578. Л. 49; ААПРес. Туркмен. Ф. 4. Оп. 1. Д. 118. Л. 60; ГА РТ. Ф. П-80. Оп. 1. Д. 24. Л. 50; СОГАСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 257. Л. 23–24; Д. 526. Л. 4, 21.

цев газету «Красное знамя» и другие периодические издания¹, что рассматривалось как важный элемент поддержания морального духа кадров.

Аналогичным образом взаимные связи по линии обмена прессой и литературой были установлены с Симбирской и Екатеринбургской губерниями, а также с образованной Татарской АССР², что способствовало формированию единого информационного поля. Таким образом, межрегиональный обмен печатной продукцией выступал не просто технической процедурой, но важным механизмом культурной и политической интеграции, связывая центр и периферию через общие каналы коммуникации и общую кадровую базу.

¹ ААП Рес. Туркмен. Ф. 4. Оп. 1. Д. 118. Л. 60, 194; Д. 344. Л. 244; СОГАСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 526. Л. 4.

² НА РУз. Ф. Р-17. Оп. 1. Д. 298. Л. 86; РГАСПИ. Ф. 61. Оп. 1. Д. 34. Л. 170–171; ЦДНИ УО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 74. Л. 3, 50, 52–53, 77.

РЕКОНСТРУКЦИЯ ИСТОРИИ В ОБЪЕКТИВЕ: БУХАРА 1920 ГОДА И НАСЛЕДИЕ СЕМЬИ СУЛТАНБЕКОВЫХ

Как уже отмечалось выше, концептуальным ядром настоящей книги стала уникальная коллекция фотодокументов, запечатлевших Бухару переломного периода. Этот массив материалов, послуживший основанием для подготовки издания, долгое время хранился в личном архиве известного казанского историка Булата Файзрахмановича Султанбекова. Формирование данного фонда неразрывно связано с деятельностью его отца – Файзрахмана Файзулхаковича Султан-Бека, чья судьба стала отражением драматических перемен и масштабных социально-политических процессов начала XX века.

Ф.Ф. Султан-Бек родился 5 июня 1892 года в деревне Бегишево Уфимской губернии (ныне Заинский район Татарстана). Он был представителем старинной учительской династии, преемственность которой прослеживается с XVII века. Его предки, включая прадеда – шейха Султанбека бин Сагындыка и отца – имама Файзулхака, были известными духовными наставниками. Родственные связи с выдающимся просветителем и муфтием Ризаэдином Фахреддином (1859–1936) подтверждают глубокую интеграцию семьи в интеллектуальную среду татарского общества того времени.

В 1930-е годы судьба Файзрахмана Султан-Бека сложилась драматически. В 1937 году он был исключен из партии и уволен с работы. Несколько лет трудился на временных работах, добиваясь восстановления в партии. Наконец, в 1939–1940 гг. он вновь получил скромные должности в советских учреждениях, а также вызов в Москву для обсуждения его восстановления в партии. Но старые болезни дали о себе знать, и 10 сентября 1940 года Файзрахман Султан-Бек скончался.

После него остался уникальный архив. Благодаря его сыну, историку Булату Султанбекову, сохранившему отцовское наследие, эти материалы сегодня возвращаются в научный оборот. Снимки из коллекции позволяют не только реконструировать визуальный об-

лик прошлого, но и верифицировать события осени 1920 года. Они дают возможность оценить масштаб трансформаций, превративших средневековый эмират в часть нового мира.

Снимки из собрания Ф. Ф. Султан-Бека служат основой для комплексного анализа трансформации Бухары в 1920 году. Фактическая полнота коллекции подтверждается лаконичной пометкой на архивном конверте – «~ 30 фото», хотя де-факто снимков оказалось больше. За вычетом дубликатов в настоящее издание включено 35 фотографий. Несмотря на то, что окончательная атрибуция отдельных кадров остается предметом научной дискуссии, их принадлежность к аппарату агитпоезда «Красный Восток» не вызывает сомнений.

Эти визуальные свидетельства зафиксировали уникальный исторический момент, когда многовековая архитектура древнего города стала фоном для утверждения новой идеологии. Фотографии позволяют увидеть Бухару не просто как застывший памятник старины, а как динамичное пространство острого политического и социального перелома, запечатленное непосредственными участниками событий.

Особый интерес представляет сопровождающий фотографии текст на конверте, нанесенный Б.Ф. Султанбековым шариковой ручкой. В левом верхнем углу наискосок указано сокращенное название состава – «Кр. Восток». И ниже: «Султанбеков. Юдовский потом преп. в МГПИ, есть снимок из арх. т. Розы». Б.Ф. Султанбеков таким образом, помня о том, что ему рассказал полвека назад отец и позже – мать Мадина Галиаскаровна Сагитова, а также близкие друзья его семьи и бывшие сотрудники поезда «Красный Восток» Махмут Кашфельгадиевич Будаили и Марьям Музафаровна Муштари, обозначил фигурантов одной из фотографий (фото № 12 в данном альбоме): его отец – Ф.Ф. Султан-Бек и Владимир Григорьевич Юдовский (1880–1949) – политический руководитель агитпоезда «Красный Восток». Неисповедимы судьбы людские:

Юдовский в 1930-е годы преподавал в Московском государственном педагогическом институте (МГПИ), в котором училась тетья, родная сестра матери Б.Ф. Султанбекова – «тетя Роза», Разия Галиаскаровна Сагитова (1900–1993), жена бывшего заместителя председателя Совнаркома ТАССР Г.Г. Мансурова. И «снимок из арх. т. Розы» – это хранящееся в семейном архиве Султанбековых фото выпуска МГПИ 1936 г., «многоголовый портрет», как называют этот жанр истории фотографии, на котором фото выпускницы Разии Галиаскаровны Сагитовой соседствует с фотографией профессора В.Г. Юдовского.

Основная надпись на конверте гласит: «Из личного архива Ф. Султанбека. Зам нач. полит. отдела и бюро жалоб поезда „Красный Восток“ (агитпоезд ВЦИК РСФСР)».

В нижней части конверта присутствует уточнение: «на 1 снимке В.Г. Юдовский нач. п/о и ф.о.» (вероятно, политического и финансового отделов), а в поле адресата зафиксированы локация и время съемки – «Бухара, лето 1920 г.».

Все фотографии в коллекции лишены оригинальной нумерации и подписей. Исключение составляют лишь три кадра, на обороте которых сохранились подписи, сделанные рукой Б.Ф. Султанбекова: «Зиндан», «Татбригада на улицах Бухары. 1920 г.», «Юдовский, Султан-Бек впереди».

Несмотря на отсутствие прямых данных об именах фотографов, высокое качество исполнения и выверенность композиции позволяют предположить, что съемку вел профессиональный мастер. Вероятно, данные кадры предназначались не только для внутренней отчетности, но и для последующего тиражирования в периодических изданиях и передвижных редакциях агитпоезда.

Коллекция обладает высокой степенью эксклюзивности, так как материалы из этого набора ранее практически не вводились в научный оборот. В ходе исследования в Государственном каталоге Музейного фонда РФ было выявлено лишь одно аналогичное изображение мальчика с агитационным плакатом на арабской графике (подпись: «Комсомольцы Бухары с агитационными плакатами

и газетами. Снимок агитпоезда «Красный Восток»»¹. Оригинал данного снимка хранится в Государственном центральном музее современной истории России в Москве.

В представленных материалах содержатся уникальные кадры, связанные с деятельностью агитпоезда «Красный Восток». Как уже отмечалось, в открытых источниках ранее публиковалось лишь одно фото из этой серии. Отсутствие других публикаций в советский или постсоветский периоды позволяет считать настоящую работу первым системным представлением данной коллекции.

События осени 1920 года – падение династии Мангытов и провозглашение Бухарской Народной Советской Республики – ознаменовали радикальный перелом в истории Средней Азии. Это была смена цивилизационных парадигм, зафиксированная сотрудниками агитпоезда «Красный Восток» – ключевого административного и пропагандистского инструмента ВЦИК РСФСР.

Визуальный ряд коллекции подтверждает масштаб происходивших перемен: на снимках видны значительные разрушения, ставшие следствием штурма города частями Красной армии, включая артиллерийские обстрелы и авиационные бомбардировки. Для систематизации материалов нами была предложена внутренняя нумерация снимков, основанная на вероятной хронологии событий и внутренней логике коллекции. Данный подход позволяет детально реконструировать облик Бухары в момент ее перехода от средневекового теократического государства к статусу революционного субъекта.

¹ Комсомольцы Бухары с агитационными плакатами и газетами. Снимок агитпоезда «Красный Восток» [Изобразительный материал]: [фотография]. – 1920. – Место хранения: ФГБУК «Государственный центральный музей современной истории России». – Номер в Госкаталоге: 4922175; КП (ГИК): 3919/1. – URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=4979589> (дата обращения: 02.03.2026). – Изображение: электронные.

Представленные фотографии раскрывают не только внешнюю сторону военного конфликта, но и глубокую внутреннюю трансформацию городского пространства. Через объектив неизвестного мастера мы видим, как традиционный уклад жизни сталкивается с новыми политическими реалиями: от агитационных плакатов на фоне древних стен до лиц людей, ставших свидетелями демонтажа старого мира. Эти кадры, сохраненные Ф.Ф. Султан-Беком, фиксируют процесс десакрализации власти эмира и начало масштабного социального эксперимента в Туркестане, превращая застывшие мгновения в неоспоримое историческое свидетельство.

ФОТО № 1:

Панорама разрушенного центра Бухары

Этот снимок представляет собой детальное визуальное свидетельство состояния городской среды Бухары непосредственно после завершения Бухарской операции (28 августа – 2 сентября 1920 года). Фотография фиксирует центральную часть города после штурма, осуществленного частями Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА). Съемка производилась с высокой точки обзора, которой, исходя из ракурса, вероятно, являлся восточный гребень крепостной стены цитадели Арк (резиденции бухарских эмиров, известной с IV в. до н.э.). Выбранная позиция позволила запечатлеть панораму восточных кварталов, включая ключевые объекты религиозного и общественного назначения.

В центральной части кадра зафиксированы архитектурные доминанты ансамбля Пои-Калян (главной площади города). Минарет Калян (возведен в 1127 году) сохранил структурную целостность, однако на снимке отчетливо видны повреждения его верхней ротонды (фонаря), полученные в ходе артиллерийского обстрела. Справа от минарета расположен массивный купол – предположительно, главной мечети Калян или медресе Мири-Араб (выдающиеся памятники зодчества XVI века) – со значительной сквозной пробоиной. Характер повреждения купольной конструкции свидетельствует о прямом попадании тяжелого фугасного снаряда или авиационной бомбы.

Передний и средний планы панорамы заняты зоной сплошных разрушений традиционной жилой застройки – *махаллей* (исторически сложившихся жилых кварталов). Глинобитные строения из *пахсы* (утрамбованной глины) и сырцового кирпича с деревянными каркасными перекрытиями оказались полностью разрушены на дистанции в несколько сотен метров вокруг эпицентра боевых действий. На месте плотных кварталов наблюдаются скопления строительного мусора, фрагменты балок и груды грунта. Короткие, высококонтрастные тени указывают на околозенитальное положение солнца, что характерно для полуденного времени в условиях засушливого климата Средней Азии. Отсутствие людей и движения в кадре документирует период административного и социального паралича города в первые дни после смены политического режима. Данное изображение является важным источником для изучения морфологии дореволюционной городской застройки Бухары и объективной оценки масштабов утрат архитектурного наследия.

ФОТО № 2:

Панорама разрушенного квартала Бухары

Данная архивная фотография является одним из наиболее выразительных визуальных свидетельств последствий штурма Бухары в сентябре 1920 года. Панорамный вид, запечатленный с высокой точки обзора – предположительно с восточной стены цитадели Арк, с яруса минарета Калян или с борта аэроплана-разведчика, – позволяет объективно оценить масштаб боевых действий и разрушительную силу примененной артиллерии и авиации РККА.

Композиция кадра строится на архитектурном контрасте между уцелевшими фрагментами монументальных сооружений и значительно разрушенной рядовой жилой застройкой. На переднем плане отчетливо просматриваются массивные купольные перекрытия и стрельчатые арки из жженого кирпича. Благодаря конструктивной прочности эти объекты – вероятно, традиционные крытые рынки (*токи*) или комплексы общественных бань (*хаммамы*) – избежали полного обрушения, тогда как окружающие их здания были замет-

но повреждены. На среднем плане, в эпицентре обстрела, на месте плотных городских махаллей зафиксированы сплошные нагромождения строительного мусора, фрагменты пахсы и обломки деревянных несущих балок. Характер завалов подтверждает использование тяжелых фугасных снарядов и авиабомб, кинетическая энергия и взрывная волна которых приводили к обрушению плоских крыш внутрь строений. На заднем плане контуры сохранившихся участков крепостной стены и купола квартальных мечетей позволяют визуально определить радиус поражения жилых массивов.

Несмотря на картину тотальной деструкции городской среды, при детальном рассмотрении на руинах идентифицируются человеческие фигуры, придающие кадру документальную динамику. Среди обломков рассредоточены военные в уставном обмундировании – гимнастерках и фуражках. Исторический контекст позволяет предположить, что это патрули новообразованной комендатуры, осуществляющие зачистку сектора и поиск скрытых арсеналов. В непосредственной близости от них запечатлены местные жители в традиционных стеганых халатах – чапанах и чалмах. Они занимаются разбором завалов, пытаясь извлечь из-под руин уцелевшее бытовое имущество и пригодные для восстановления жилья строительные материалы, в первую очередь – дефицитную в регионе древесину.

ФОТО № 3:
Последствия артиллерийского воздействия
на городскую застройку

Снимок представляет собой документальную фиксацию состояния жилого или общественного здания в Бухаре непосредственно после завершения штурма города частями РККА. Объект выступает типичным образцом местной городской архитектуры конца XIX – начала XX века: это одноэтажная кирпичная постройка с плоской кровлей, фасад которой ритмично оформлен дверными проемами и окнами со стрельчатыми арками, забранными резными геометрическими решетками (*панджара*).

Технико-морфологический анализ запечатленной среды демонстрирует критические разрушения, вызванные применением тяжелого артиллерийского вооружения. На переднем плане зафиксированы масштабные завалы, состоящие из массивных деревянных балок обрушенных перекрытий (*тир*), битого жженого кирпича, скреплявшегося традиционным ганчевым раствором (вяжущей смесью на основе обожженного гипса и глины), и фрагментов фасадной штукатурки. В левой части кадра обнажен деревянный сейсмостойкий каркас примыкающей постройки, а на уцелевших стенах основного здания просматриваются глубокие структурные трещины – прямое следствие воздействия мощной ударной волны от разрывов фугасных снарядов. Характер теней, падающих под острым углом, указывает на утреннее время съемки при ясной погоде, ориентировочно в интервале между 09:00 и 11:00.

Исходя из плотности повреждений, вероятная локация объекта – внутренний двор крупного административного комплекса или дома состоятельного горожанина вблизи цитадели Арк либо в кварталах, непосредственно примыкавших к крепостным стенам, по которым

велся наиболее интенсивный огонь. Данный снимок, выполненный фотографами экспедиции агитпоезда «Красный Восток» и сохранившийся в материалах Ф.Ф. Султан-Бека, служит наглядным примером степени деструкции традиционной материальной культуры Бухары в ходе военной кампании.

ФОТО № 4:

Последствия разрушений во внутреннем дворе

Визуальным свидетельством разрушения повседневной городской среды Бухары того времени также служит архивная фиксация традиционного внутреннего двора (*хаули*). Пространство жилого дома или небольшого медресе запечатлено непосредственно после завершения активной фазы штурма, объективно передавая последствия боевых действий и сопутствующих им повреждений.

Архитектурной доминантой выступает массивная резная деревянная колонна на каменном основании. Ее специфическая база в форме кувшина (*кузаги*) представляет собой традиционный эле-

мент среднеазиатского зодчества, обеспечивающий необходимую сейсмоустойчивость конструкции. В левой части пространства зафиксирована вторая опора, находящаяся в аварийном состоянии: сильный наклон ствола указывает на критические повреждения деревянного несущего каркаса или кровельных перекрытий здания.

Территория двора заполнена строительным мусором и предметами обихода, что указывает как на разрушительное воздействие взрывной волны, так и на вероятный целенаправленный поиск скрытых ценностей. По всей площади разбросана хлопковая набивка из намеренно распоротых спальных принадлежностей, а в центре находится свернутый традиционный матрас (*курпача*). На переднем плане расположен массивный деревянный сундук, частично погребенный под обломками и осыпавшейся фасадной штукатуркой на основе ганча.

Задним планом служат уцелевшие дверные проемы с прямоугольными световыми фрамугами, типичными для бухарской архитектуры рубежа XIX–XX веков, а также сохранившееся дерево в небольшом палисаднике. Отсутствие людей документирует статус временно покинутого сектора – вероятно, результат спешной эвакуации жильцов. Высококонтрастные и короткие тени позволяют определить время съемки как околополуденные часы при ясной погоде, характерной для региона в начале сентября.

ФОТО № 5:

Состояние архитектурного ансамбля Пои-Калян

Состояние ключевого архитектурного ансамбля Пои-Калян непосредственно после завершения активной фазы штурма задокументировано на следующем кадре. Центральным объектом композиции выступает минарет Калян. Его конический ствол, декорированный поясами фигурной кирпичной кладки, сохранил устойчивость, однако верхняя ротонда имеет серьезные структурные повреждения. Поскольку высотное сооружение использовалось обороняющимися в качестве стратегического наблюдательного пункта, по нему велся прицельный

артиллерийский огонь. Это привело к частичному обрушению многоярусного сталактитового карниза (*шарафа*) и верхнего купола фонаря.

В пространстве кадра также зафиксированы прилегающие исторические постройки. Слева просматривается фрагмент главного купола медресе Мири-Араб, частично перекрытый ракурсом съемки, а справа – малые угловые башни (*гульдаста*) соборной мечети либо элементы примыкающих торговых рядов, оснащенные световыми фонарями на вершинах. Резкие, глубокие тени и высокая контрастность изображения указывают на околозенитальное положение солнца. Визуально фиксируемая взвесь пыли в воздухе отражает

специфику микроклимата наполовину разрушенных городских кварталов в засушливый осенний период.

ФОТО № 6:

Архитектурный комплекс Чашма-Айюб

Очередной кадр из рассматриваемой серии фиксирует состояние одного из наиболее известных памятников местной архитектуры – культового комплекса Чашма-Айюб, формирование которого происходило в XII–XVI веках. Документ запечатлел этот мавзолей-ханаку (странноприимный дом и суфийскую обитель) в первые недели после смены политического режима в регионе.

Архитектурной доминантой выступает шатровый купол на высоком цилиндрическом барабане. Подобная коническая конструкция, имеющая отчетливые черты хорезмского зодчества, была возведена мастерами, вывезенными Амиром Тимуром из Ургенча в конце XIV века. Эта сложная многообъемная структура вытянута по продольной оси и последовательно дополняется группой из трех полус-

ферических куполов разного диаметра. Они перекрывают смежные помещения: *гурхану* (непосредственно погребальную камеру) и *зи-яратхану* (зал для паломников и ритуальных чтений). На вершине главного остроконечного шатра и центрального малого купола отчетливо выделяются массивные гнезда белых аистов. До начала масштабных мелиоративных работ эти птицы являлись визуальным маркером и неотъемлемой частью экосистемы старого города, изобиловавшего открытыми искусственными водоемами (*хаузами*).

Состояние объекта на момент съемки указывает на длительное отсутствие капитальной реставрации еще в период существования эмирата. Несущие стены из жженого кирпича демонстрируют явные следы ветровой эрозии и капиллярного засоления грунта, что привело к выветриванию кладки в цокольной части фасада и масштабному отслоению защитного штукатурного покрытия. Первоначальная глазурованная облицовка (терракота и майолика), некогда украшавшая барабан купола, к этому времени была практически полностью утрачена, а обнаженная кирпичная поверхность покрыта сетью глубоких усадочных трещин. Данная визуальная фиксация сохраняет подлинный, нетронутый вид древней святыни до старта комплексных консервационных работ последующих десятилетий.

ФОТО № 7:

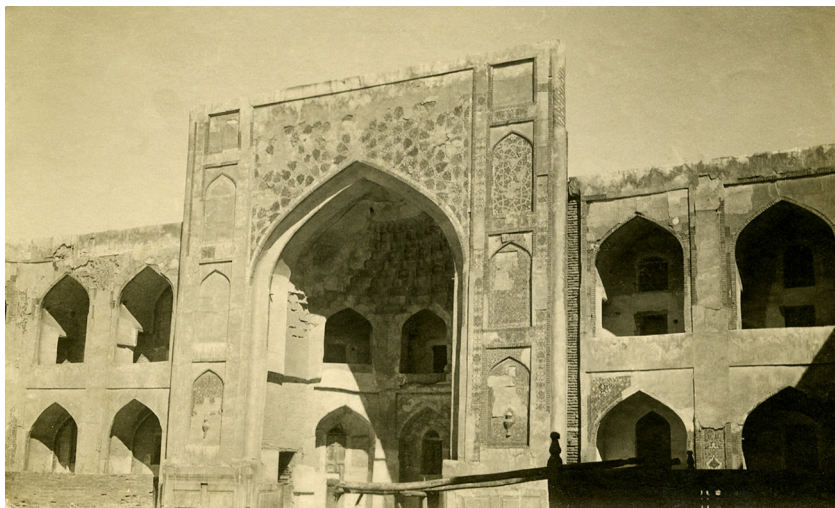
Портал медресе Абдулазиз-хана

Очередной архивный снимок фиксирует состояние одного из внутренних порталов медресе Абдулазиз-хана в первые недели после завершения сентябрьской военной операции 1920 года. Изображение документирует глубокий упадок исторической архитектуры города в переходный политический период, что также было связано и с естественными процессами разрушения.

Объект представляет собой классический образец среднеазиатского зодчества типа *кош* (парного ансамбля) – двухэтажное здание *медресе* (мусульманского высшего учебного заведения). В центре

композиции доминирует массивный входной портал (*пейштак*) с высокой стрельчатой аркой (входным *айваном*). Визуальный анализ внутренней поверхности свода и боковых панелей демонстрирует критическую утрату декора. Значительная часть фасадной глазурированной облицовки отсутствует, обнажая фактуру кладки из жженого кирпича среднеазиатского образца. Лишь фрагментарно сохранились остатки мозаичного панно с геометрическим орнаментом, позволяющие оценить былое богатство отделки сооружения, возведенного в 1651–1652 годах.

Фланкирующие центральный портал крылья здания состоят из двух ярусов *худжер* (жилых келий учащихся медресе) с рядами стрельчатых ниш. Отсутствие людей в кадре позволяет детально рассмотреть запыленную поверхность земли у подножия сооружения и нагромождения деревянных конструкций у основания аварийного фасада. Вероятно, эти элементы использовались для подпорки обрушающихся элементов кладки или в качестве временных ограждений опасной зоны.

Резкие, глубокие тени внутри ниш и под сводом айвана указывают на околополуденное время съемки. Высокая контрастность снимка и сухая фактура строительных материалов подчеркивают засушливый климат Бухарского оазиса в осенний период. Архитектурные особенности, масштаб портала и характер сохранившегося декора позволяют однозначно идентифицировать здание как медресе Абдулазиз-хана, расположенное напротив более раннего медресе Улугбека.

ФОТО № 8: Купол медресе Мири-Араб

Восьмой снимок серии документирует состояние медресе Мири-Араб в указанный период. В центре кадра – один из двух куполов медресе, возведенного в XVI веке. Данная фотография служит ценным источником, фиксирующим аварийное состояние выдающегося памятника архитектуры непосредственно после смены политического режима в регионе.

Объект представляет собой полусферический купол, покоящийся на высоком цилиндрическом барабане. Визуальный анализ архивного изображения позволяет отчетливо выявить глубокие структурные трещины на поверхности свода и значительные следы ветровой эрозии, свидетельствующие об отсутствии должного технического надзора.

Особую научную и искусствоведческую ценность кадра составляет фиксация уникального фасадного декора – одного из ранних в Средней Азии примеров использования резной поливной терракоты. На снимке различимы рельефные пояса с геометрическим и растительным орнаментом, а также элементы арабской эпиграфики (монументальные надписи, выполненные почерками *куфи* и *сульс*). К моменту съемки значительная площадь бирюзовой и кобальтовой глазурованной облицовки была безвозвратно утрачена, обнажая фактуру базовой кирпичной кладки.

Общая сохранность памятника на тот момент оценивается как критическая: масштабное выветривание вяжущего раствора и деградация материалов указывают на многолетнее запустение

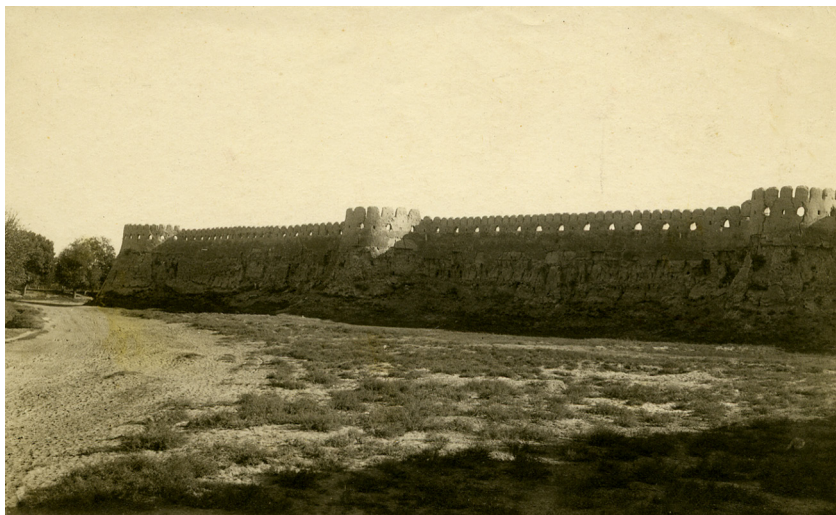
памятника, начавшееся задолго до осенних боевых действий. Направление теней соответствует околополуденному освещению (ориентировочно 12:00–13:30).

ФОТО № 9:
Северо-западный участок
крепостной стены Бухары

Девятый кадр из рассматриваемого архива предлагает детальный обзор протяженного фрагмента оборонительного периметра старого города. Задокументированный северо-западный участок крепостной стены (*девор*) иллюстрирует состояние фортификационной системы столицы эмирата непосредственно после завершения активной фазы военной кампании начала осени.

Массивное оборонительное сооружение, общая протяженность которого исторически достигала 12 километров, традиционно возводилось из пахсы и сырцового (необожженного) кирпича. В разрезе стена имела выраженный трапециевидный профиль с расширяющимся книзу цоколем, толщина которого у основания местами доходила до пяти метров, что обеспечивало высокую сейсмоустойчивость и защиту от осадных орудий. Верхний ярус венчает парапет с характерными закругленными зубцами – мерлонами (*кунгура*), между которыми располагались бойницы, приспособленные для ведения ружейного огня. Ритм сплошной глухой стены нарушают выступающие полукруглые глухие башни (*гульдаста*), конструктивно предназначенные для эффективного флангового обстрела подошвы укреплений и ликвидации «мертвых (непростреливаемых) зон».

Визуальное состояние фортификаций на момент съемки красноречиво свидетельствует о длительном отсутствии капитального ремонта: нижняя часть глинобитного массива демонстрирует критические следы ветровой эрозии, глубокие каверны, а также вертикальные промоины от сезонных осадков, подмывавших фундамент. Направление резкой тени, отбрасываемой выступающей

башней, в сочетании с высокой контрастностью безоблачного неба позволяет датировать время работы фотографа второй половиной дня (ориентировочно в интервале 15:00–16:30).

ФОТО № 10:
Бухарский зиндан

Следующий снимок коллекции фиксирует вид на бывшую эмирскую тюремную темницу XVIII века. Первые письменные упоминания о зиндане в Бухаре относятся к XVII веку, но дошедшее до нас сооружение датируется периодом правления династии Мангытов. «Бухарский зиндан» расположен к югу от цитадели Арк, примерно в 250 метрах от ее стен – так обеспечивалась акустическая изоляция от дворца. Сооружение сохранилось по сей день и ныне функционирует как музей-памятник, филиал Государственного музея-заповедника «Арк», открытый для посещения с 1970-х годов. Снимок демонстрирует историю властной машины средневековой и новой Бухары.

В композиции доминирует круглая кирпичная подземная камера диаметром около 5 метров, выступающая из толщи грунта как глубокий цилиндрический объем, уходящий вниз примерно на 6,5 метра. Нижняя часть сооружения имеет выраженную расширенную основу, называемую «ложок», обеспечивающую устойчивость многометровых кирпичных кладок на грунте, подверженном сезонным колебаниям влажности и вибрациям от близлежащих арыков. Толщина стен достигает 1,2 метра, что позволяло выдерживать давление грунта и предотвращало обрушение. На поверхности кладки отчетливо прослеживаются следы длительного климатического воздействия: мелкие трещины от выветривания, микрорастрескивание глазурированной обмазки кирпича саманного обжига, а также локальные участки биокоррозии, где в швах между кирпичами укоренилась ксерофитная растительность – в основном солянка и верблюжья колючка, типичные для Бухарского оазиса.

В правой части кадра запечатлен входной блок надземной надстройки – купольная камера стражников. В ее полу находится ши-

рокое отверстие диаметром около метра – единственный путь в подземелье. Лестницы отсутствуют: узников спускали и поднимали на сыромятной веревке или аркане, привязывая под мышки. Внутри камеры царил полная темнота, а отверстие служило единственным источником воздуха, что делало пребывание невыносимым. Пространство на переднем плане подчеркивает специфику бытовых условий: по периметру камеры видны остатки укрепленного глиняного пояса – глинобитной отмостки, защищавшей подстилающий грунт от размывания поливной водой. Подобные конструкции стандартны для гидротехники Средней Азии. Также заметны фрагменты выступающих кирпичных поясов-анастилозов, ограничивающих расширение котлована. Поверхность земли устлана толстым слоем пыли и мелкого грунта, что указывает на длительный период естественного засыпания и частичного забвения объекта до начала его реставрационных работ. Системная реставрация началась только в конце 1920-х годов.

ФОТО № 11:

Следы уличных боев в махалле Бухары

Одиннадцатый архивный снимок серии представляет собой визуальное свидетельство интенсивных уличных столкновений – узкую городскую улицу, глухие фасады которой изрешечены пулевыми и осколочными попаданиями. Кадр запечатлел тесное пространство между высокими глинобитными стенами, характерными для традиционной жилой застройки исторического центра.

Главным композиционным элементом выступает правая стена, поверхность которой испещрена сотнями каверн. Подобная плотность следов от винтовочного и пулеметного огня однозначно указывает на крайне ожесточенный характер боев в данном секторе. Специфическая фактура пахсы под кинетическим воздействием свинца и осколков подверглась сильному выкрашиванию, наглядно

демонстрируя уязвимость традиционных стройматериалов перед автоматическим стрелковым оружием начала XX века.

В пространстве улицы зафиксированы две человеческие фигуры, масштабирующие кадр и подчеркивающие драматизм искащенной среды. На переднем плане слева, в густой тени, сидит местный житель в чалме и чапане; его статичная поза транслирует крайнюю степень физического истощения. В глубине переулка различим силуэт движущегося человека в длинных, темных одеждах. Специфика архитектуры – экстремальная узость междомовых проходов и значительная высота стен – позволяет с высокой долей вероятности локализовать съемку в границах старого квартала (Махалляи-Кухна) или прилегающих к нему участков Шахристана (внутреннего города), где продвижение войск сопровождалось наиболее кровопролитными и вязкими стычками.

Важным историческим и инфраструктурным маркером выступает запечатленный слева деревянный телеграфный столб с травер-

сами и изоляторами. Этот элемент свидетельствует о постепенной интеграции современных проводных систем связи в средневековую урбанистическую ткань, что имело критическое значение для оперативной координации действий наступающих подразделений и штабной работы. Экстремальный светотеневой контраст – глубокий мрак у основания стен и ослепительно яркий свет на их верхних краях – подтверждает околоразенитальное положение солнца, типичное для полуденных часов ранней осени в условиях безоблачного неба.

ФОТО № 12:
В.Г. Юдовский и Ф.Ф. Султан-Бек
на фоне разрушенных кварталов

Двенадцатый снимок атрибутирован: на обороте оригинального отпечатка сохранилась рукописная пометка историка Б.Ф. Султанбекова – «Юдовский, Султан-Бек впереди». Фотография выступает персонифицированным документальным свидетельством деструкции городской инфраструктуры, фиксируя состояние типич-

ного жилого квартала непосредственно после завершения уличных боев начала осени.

В центре композиции запечатлены две ключевые фигуры политического руководства экспедиции. Слева стоит Владимир Григорьевич Юдовский (1880–1949) – партийный деятель, в тот период занимавший пост руководителя политотдела агитпоезда «Красный Восток», а справа через завалы пробирается Файзрахман Файзулхакович Султан-Бек. Обмундирование обоих характерно для командно-политического состава периода Гражданской войны: фуражки, уставные гимнастерки (на Юдовском дополнительно надета форменная кожаная куртка), галифе и высокие сапоги. На дальнем плане различим силуэт местного жителя в светлой традиционной одежде, что масштабирует кадр и подчеркивает общую безлюдность временно покинутой жилой зоны.

Окружающее пространство представляет собой сплошную полосу руин, образовавшуюся в результате применения артиллерии по плотной рядовой застройке. По обе стороны некогда узкой улицы возвышаются хаотичные скопления обвалившегося грунта и обломков деревянных перекрытий. Структура завалов показывает, что разрушенные здания возводились преимущественно из сырцовых материалов с фрагментарным использованием жженого кирпича. На горизонте сквозь пыльную взвесь просматривается купол местной мечети, а сохранившиеся крупные лиственные деревья (вероятно, тутовник или карагач) визуальнo маркируют границы бывших внутренних дворов или площадей. Короткие, резкие тени и высокая контрастность кадра свидетельствуют об околозенитальном положении солнца, что объективно отражает специфику полуденного освещения и засушливого климата оазиса в рассматриваемый период.

ФОТО № 13:

Конная колонна на улицах разрушенной Бухары

Тринадцатый архивный кадр серии снабжен важной источниковедческой аннотацией: на обороте отпечатка сохранилась рукописная подпись историка Б.Ф. Султанбекова – «Татбригада на улицах

Бухары. 1920 г.). Снимок фиксирует тактическое перемещение подразделений Отдельной Татарской стрелковой бригады (вероятно, кавалерийского дивизиона или отряда конной разведки). Личный состав движется в походном порядке, будучи экипированным в полевое обмундирование РККА образца 1919–1920 годов.

На бойцах видны летние гимнастерки защитного цвета и характерные широкополые матерчатые шляпы («туркестанки»), введенные приказом РВСР № 634 от 19 апреля 1919 года для защиты личного состава от избыточной инсоляции в условиях среднеазиатского театра военных действий. Вооружение кавалеристов составляют 3-линейные винтовки системы Мосина (вероятно, карабины образца 1907 года), закрепленные в походном положении за спиной. Наличие полного кавалерийского вьюка на седлах, включая переметные сумки и скатки шинелей, указывает на высокую автономность подразделения при выполнении оперативных задач. Справа на среднем плане зафиксирована фигура военнослужащего, вероятно, выполняющего функции регулировщика движения или часового комендантской службы.

С точки зрения градостроительного анализа, фотография демонстрирует специфику традиционной махаллинской застройки и масштабный характер разрушений. Основными строительными материалами здесь выступают жженный кирпич и пахса. На левой стене отчетливо видна сквозная вертикальная трещина – результат воздействия мощной ударной волны. Частичное обрушение арочных пролетов и конусообразные насыпи битого кирпича типичны для последствий обстрела из тяжелых орудий, активно применявшихся при штурме. Короткие, практически вертикальные тени позволяют определить время съемки как близкое к полудню.

Наиболее вероятным местом фиксации являются улицы, непосредственно прилегающие к цитадели Арк или площади Регистан, где велись самые интенсивные и кровопролитные бои. Фиксация подобных кадров фотокорреспондентами политотделов преследовала цель документального подтверждения ликвидации эмиратского режима и установления контроля над ключевыми узлами городской инфраструктуры. Изображение объединяет в себе признаки военной хроники и архитектурного мартиролога старого города.

ФОТО № 14:

Состояние городской среды и социально-бытовая инфраструктура

Четырнадцатая фотография рассматриваемой серии документирует состояние инфраструктуры Бухары в период перехода от активной фазы боевых действий к установлению постоянного административно-военного контроля. В пространстве кадра четко выделяются три смысловые группы, объективно характеризующие постепенное возвращение города к повседневной жизни на фоне масштабных разрушений.

На переднем плане слева запечатлен кавалерист в летней защитной гимнастерке и широкополой шляпе-«туркестанке», являющейся уставным полевым головным убором частей Туркестанского фронта. Наличие длинного древка в руке (кавалерийской пики или

сигнального флага) указывает на то, что боец выполняет функции передового конного дозора. В центре композиции зафиксирован местный житель в традиционном халате и чалме, перевозящий на осле объемную связку хвороста или сельскохозяйственного фуража. Эта деталь выступает важным социальным маркером, свидетельствующим о неизбежном возобновлении базовых хозяйственно-бытовых процессов даже в зоне недавних уличных столкновений. В глубине улицы просматриваются нечеткие фигуры пешего и верхового патрулей комендантской службы, обеспечивающих правопорядок и безопасность во вверенном секторе.

Техническое состояние окружающей застройки демонстрирует масштабное деструктивное воздействие на исторические здания, возведенные из жженого кирпича и пахсы. На правой стене зафиксирован обширный сквозной пролом, обнажающий внутреннюю структуру многослойной кладки, в то время как на левом фасаде просматривается глубокая вертикальная трещина. Последняя говорит о критической потере конструктивной целост-

ности здания из-за сейсмического удара при близком разрыве фугасного снаряда.

Острые края разломов и конусообразные насыпи битого кирпича у подножия стен выступают прямым следствием прицельного артиллерийского обстрела. Поверхность проезжей части плотно покрыта слоем строительного мусора и пыли, что существенно затрудняло логистику гужевого транспорта и перемещение военных разъездов. Анализ коротких теней указывает на околосенитальное положение солнца (ориентировочно в интервале 11:30–13:00). Исходя из плотности повреждений, наиболее вероятным местом съемки является район, непосредственно прилегающий к цитадели Арк со стороны площади Регистан, либо одна из магистральных артерий вблизи городских ворот, находившихся на направлении главного удара наступающих колонн.

ФОТО № 15: Ворота Саляххона

Пятнадцатый снимок серии документирует состояние одного из монументальных узлов оборонительной инфраструктуры старого города – въездных ворот с прилегающими участками крепостной стены. Архитектурный объем фланкирован двумя массивными полукруглыми башнями (*гульдаста*), сужающимися кверху. Между ними расположен традиционный портал (*нештак*) с глубокой стрельчатой аркой, оформляющей внутренний проезд.

Фасады ворот возведены из жженого кирпича на ганчевом растворе и увенчаны оборонительными зубцами (*кунгура*). На поверхности правой башни визуальны множественные дефекты: глубокая ветровая эрозия кладки и частичное обрушение внешнего облицовочного слоя. Заметные на фасаде выступающие торцы деревянных балок (*тир*) иллюстрируют применение локального строительного приема – закладки армирующего антисейсмического каркаса, предотвращающего деформацию тяжелой кирпичной

конструкции. Над сводом установлен высокий флагшток с полотнищем, что объективно указывает на переход фортификационного узла под контроль новой администрации и организацию здесь официального контрольно-пропускного пункта.

В левой нижней четверти кадра, непосредственно перед въездом, запечатлена группа из трех местных жителей с гужевым транспортом – выючным ослом. Мужчины одеты в типичные для региона стеганные чапаны и тюбетейки, на ногах одного из них можно различить традиционные мягкие кожаные сапоги (*ичиги*), которые обычно носились в комплекте с калошами. Эта жанровая сцена отражает, вероятнее всего, повседневный процесс прохождения гражданским населением досмотра на военном фильтрационном пункте.

Фронтальное и жесткое освещение с короткими вертикальными тенями свидетельствует об околополуденном времени съемки. Визуальная нечеткость заднего плана обусловлена высокой концентрацией в воздухе мелкодисперсной лессовой пыли, поднятой перемещением армейских частей. Кадр, созданный документали-

стами экспедиции, лишен постановочности и детально фиксирует процесс рутинизации военного быта на фоне ветшающей средневековой оборонительной системы.

ФОТО № 16:
**Парадный вход в цитадель Арк
и площадь Регистан**

Шестнадцатая фотография из рассматриваемого исторического комплекса обращается к одному из ключевых градостроительных и политических символов региона – парадному въезду в бывшую эмирскую резиденцию со стороны главной площади. Снимок документирует состояние этого знакового объекта ранней осенью, органично объединяя в одном кадре монументальную статику древней фортификации и активную социальную динамику переходного периода.

В центре архитектурной композиции доминирует монументальный входной портал, обрамленный по бокам двумя массивными ци-

линдрическими башнями. Их верхние ярусы увенчаны легкими арочными галереями-фонарями. Непосредственно над центральной стрельчатой аркой ворот расположена накархана – специальная надвратная терраса с деревянной балюстрадой, исторически служившая помещением для придворного оркестра, который регулярно возвещал о времени суток или важных государственных событиях. К самим воротам ведет широкий наклонный пандус, традиционно вымощенный камнем, по которому в момент фиксации поднимаются небольшие группы людей.

На поверхности этих глинобитных конструкций отчетливо просматриваются как следы многовековой ветровой эрозии, так и глубокие свежие выбоины – прямое следствие применения тяжелой артиллерии в ходе недавнего штурма. Справа на фото виднеется мечеть Поянда-бий Аталык (XVII в.); слева – здание ныне утраченной больницы Дар аш-Шифа.

Пространство Регистана на переднем плане представляет собой развернутую жанровую сцену, иллюстрирующую процесс рутинизации городской жизни после кардинальной смены власти. Слева, рядом с традиционной двухколесной арбой (ее конструкция с намеренно высокими ободами была специально адаптирована для беспрепятственного движения по глубокой лессовой пыли и бездорожью), расположилась группа военнослужащих. Их походное уставное обмундирование – фуражки и длиннополые мундиры – создает резкий визуальный и культурный контраст с силуэтами местных жителей, облаченных в просторные полосатые чапаны и объемные чалмы. Активное использование для логистики вьючных лошадей и ослов, наряду с конными повозками, подчеркивает устойчивое сохранение привычного для оазиса хозяйственного уклада. В целом запечатленная обстановка лишена признаков паники: горожане возвращаются к повседневной деловой активности в условиях установленного военного контроля.

Жесткое, высококонтрастное освещение с практически отвесными тенями от архитектурных элементов позволяет уверенно датировать время работы фотографов околополуденными часами. Абсолютно безоблачное небо и визуально осязаемая сухость по-

крытой слоем пыли почвы выступают типичными климатическими маркерами для данного региона. Взятый в комплексе, этот кадр, сохраненный документалистами политотдела, выполняет функцию исторического и визуального эпилога существования прежнего политического режима.

ФОТО № 17:
Массовое собрание
у медресе Бозори гусфанд

Семнадцатая по счету хроникальная фиксация переносит зрителя к одному из центральных общественных пространств столицы рухнувшего эмирата. Фотография представляет собой ценное историко-социологическое свидетельство первых попыток прямого политического взаимодействия установившейся власти с местным населением ранней осенью первого послевоенного года.

Масштабное собрание разворачивается на фоне монументального фасада крупного духовного училища. Исходя из архитектурных пропорций, вероятнее всего, в кадр попало ныне утраченное медресе Бозори гусфонд, которое располагалось на площади Регистан. В левой части композиции доминирует высокий стрельчатый свод парадного входа – айван, внутреннее пространство которого ритмично разделено на два яруса с глубокими теньевыми нишами. Выразительной визуальной деталью выступает угловая башня, вершину которой венчает массивное гнездо белого аиста. До проведения масштабных мелиоративных работ и осушения городских прудов эти птицы массово гнездились на архитектурных возвышенностях, органично дополняя экосистему оазиса.

Площадь перед историческим зданием демонстрирует плотный и репрезентативный социальный срез общества в момент кардинального политического слома. Подавляющее большинство собравшихся составляют местные жители, облаченные в традиционные чапаны и белые чалмы. Они расположились прямо на запыленной земле или стоят сомкнутыми рядами, внимательно наблюдая за происходящим. В гуще этой однородной толпы визуально контрастируют фигуры вооруженных военнослужащих.

Наличие военных чинов и политработников в эпицентре людской массы указывает на проведение активной агитационной работы – публичного зачитывания новых декретов или разъяснительных бесед. Лица слушателей выражают крайнюю сосредоточенность; их взоры устремлены в единый смысловой центр, что превращает уличную сходку в подобие организованного общественного форума.

Мягкий рассеянный свет и глубокие теньевые акценты в нишах портала выгодно подчеркивают фактурность старинной кирпичной кладки. Отсутствие тяжелой верхней одежды у присутствующих и облегченная экипировка солдат объективно свидетельствуют о сохранении комфортной, сухой погоды, характерной для первой декады первого осеннего месяца.

ФОТО № 18:
**Интерьер и элементы пенитенциарной
системы Бухарского эмирата**

Восемнадцатый снимок серии снабжен лаконичной, но емкой аннотацией Б.Ф. Султанбекова на обороте: «Зиндан» («Темница»). Фотография фиксирует вход в тюремное помещение, являвшееся структурным элементом судебной-исполнительной системы эмирата

до сентября 1920 года. Объект представляет собой массивную деревянную дверь, глубоко утопленную в арочный проем.

Конструкция дверного полотна усилена горизонтальными коваными железными полосами и крупными заклепками, что подчеркивает фортификационный характер сооружения, предназначенного для надежной изоляции заключенных. В верхней части проема зафиксированы фрагменты запорных механизмов, включая массивные кованые кольца и тяжелые цепи. Стены портала, возведенные из характерного для региона обожженного кирпича, демонстрируют следы глубокой эрозии и масштабного отслоения штукатурного слоя на основе ганча. Подобная деградация материалов свидетельствует о значительной ветхости постройки и десятилетиях ее непрерывной эксплуатации без капитального ремонта.

На переднем плане, непосредственно у порога, в хаотичном порядке расположены вещественные атрибуты ограничения свободы: две пары массивных железных ножных кандалов с соединительными цепями кустарной кузнечной работы, а также длинные железные штыри, вероятно, служившие элементами запорных засовов. Наличие скомканного фрагмента темного текстиля и общая замусоренность площадки фиксируют момент дезорганизации пенитенциарного объекта сразу после вступления в город частей РККА и освобождения узников. Резкие, глубокие тени при ярком фронтальном освещении позволяют определить время съемки как близкое к полудню.

Наиболее вероятной локацией объекта является территория цитадели Арк, где исторически располагались два типа тюрем: *канахана* (верхняя тюрьма для государственных преступников и сановников) и собственно *зиндан* (традиционная подземная или полуподземная тюрьма). Данный снимок, сохраненный документалистами агитпоезда «Красный Восток», служит визуальным доказательством ликвидации прежних правовых институтов и перехода карательных функций к новым военно-административным органам.

ФОТО № 19:
**Организация административного контроля
и регистрация населения в Бухаре**

Девятнадцатый снимок серии выступает важным источником по социальной истории периода Гражданской войны в Туркестане. Кадр фиксирует процесс перехода от активных боевых действий к фазе военно-полицейского контроля и первичного учета жителей Бухары непосредственно после ликвидации эмирата. Фотография документирует методы работы комендатур по идентификации местного населения в условиях смены политического режима.

Композиция снимка выстроена по принципу иерархии контроля, где противопоставляются две функциональные группы. В центре и на переднем плане расположена внушительная группа мужчин (не менее 30–40 человек), сидящих на земле упорядоченными рядами. Преобладание тюбетеек в качестве головных уборов и характер одежды позволяют предположить принадлежность данной группы к городским ремесленникам или жителям конкретной махалли, проходящим

коллективную проверку. Позы людей выражают пассивное ожидание, характерное для режима фильтрационных мероприятий.

На среднем плане зафиксирован военный контингент. Военнослужащие в стандартных полевых гимнастерках и фуражках стоят, опираясь на винтовки системы Мосина с примкнутыми штыками, что подчеркивает конвойно-охранный характер их присутствия. В центре группы один из бойцов ведет опрос человека в традиционном чапане – вероятно, процесс установления личности или первичный допрос старейшины квартала.

Местом действия служит обширное открытое пространство – внутренний двор (*хаули*) или площадь, вероятно, вблизи цитадели Арк либо в одном из уцелевших караван-сараев. Архитектурный фон представлен протяженным айваном на стройных деревянных колоннах, типичным для монументальных общественных зданий Бухары того времени. Состояние капитальных построек на заднем плане указывает на то, что данный сектор пострадал от обстрелов значительно меньше, чем плотные жилые массивы.

Короткие, резкие тени позволяют определить время съемки как близкое к полудню. Подобная фотофиксация проводилась документалистами агитпоезда «Красный Восток» не только для отчетности, но и как визуальное подтверждение «нормализации обстановки» и перехода к систематическому административному управлению регионом.

ФОТО № 20: Идеологическая работа в Бухаре

Двадцатый документальный снимок серии служит ключевым свидетельством процесса политической коммуникации и идеологического взаимодействия новой администрации с местным населением непосредственно после ликвидации Бухарского эмирата. Кадр представляет собой групповой портрет в динамике, где смысловым центром выступает фигура агитатора в момент передачи печатной продукции.

Центральный субъект кадра – вероятно, сотрудник агитпоезда «Красный Восток» – визуально контрастирует с окружающими.

На нем надет светлый френч европейского покроя с накладными карманами и воротником-стойкой. Отсутствие традиционного головного убора и характерная короткая стрижка маркируют его как представителя новой социально-политической прослойки. С высокой долей вероятности агитатором является татарский интеллигент-коммунист: именно бойцы и политработники Отдельной Татарской бригады, владевшие тюркскими языками и знакомые с местным менталитетом, выступали незаменимыми посредниками. Его действие – раздача газет или брошюр – символизирует внедрение новых информационных стандартов в традиционную среду.

Реципиентами информации выступает группа из 10–12 мужчин в характерных для региона чапанах и светлых чалмах. Способ повязки головных уборов специфичен именно для Бухарского оазиса начала XX века. Особого внимания заслуживает фигура на переднем плане слева: мужчина, уже получивший экземпляр, внимательно изучает текст. Это прямое свидетельство наличия среди собравшихся грамотной части населения, способной воспринимать печатную пропаганду без посредников. Плотность группы и фраг-

менты фигур на заднем плане, сидящих на кирпичных ступенях, указывают на организованный характер собрания.

Локализация снимка с высокой вероятностью соотносится с традиционными местами публичных встреч: площадью Регистан перед цитаделью Арк, входными группами крупнейших медресе (Кукельдаш, Мири-Араб) или территорией вблизи железнодорожного вокзала, где базировался состав агитпоезда. Резкое, высоко стоящее солнце и короткие тени подтверждают полуденное время съемки, что в сочетании с запыленной одеждой присутствующих подчеркивает походные условия работы оперативных групп в засушливый сентябрьский период. Фотография фиксирует уникальный момент столкновения вековых традиций с мобильной пропагандистской машиной переходного времени.

ФОТО № 21:

Административная деятельность и установление новой системы управления

Двадцать первый архивный снимок серии представляет исключительный интерес как первичный документ, фиксирующий процесс легитимизации новой власти и формирования высших органов управления Бухары в сентябре 1920 года. Кадр запечатлел рабочее совещание в интерьере, сохранившем изысканное оформление эмирской эпохи.

Групповой портрет девяти участников административного процесса сосредоточен вокруг массивного деревянного стола, плотно заваленного деловыми бумагами. Сценическое пространство подчеркивает статусность помещения: стены украшены виртуозной резьбой по ганчу с тончайшим геометрическим и растительным орнаментом, а глубокие фигурные ниши (*такча*) создают сложную архитектурную ритмику. Настенные часы за спинами присутствующих зафиксировали точное время – 12:25, что коррелирует с околополуденным временем съемок всей «бухарской серии» агитпоезда. Примечательным визуальным анахронизмом выступает гнутый «венский» стул европейского типа – маркер

проникновения западных стандартов офисного быта в традиционную восточную среду.

Особое историческое значение снимку придает фигура в левом углу снимка: человек, глубоко сосредоточенный на работе с документами, по портретным характеристикам и контексту событий может идентифицироваться как Абдурауф Фитрат. Выдающийся историк, филолог и поэт, Фитрат был идеологом джадидизма и одной из ключевых политических фигур того времени. В сентябре 1920 года именно лидеры младобухарцев и джадидов взяли на себя функции по формированию государственных структур новой республики. Склонившийся над столом в центре кадра молодой мужчина с усами имеет схожесть с выдающимся ученым-историком джадидом Мусоджоном Саиджановым.

Группа, запечатленная на снимке, вероятно, представляет собой Революционный комитет (Ревком) или специальную комиссию по приему дел и архивов эмирата. Семь из девяти присутствующих облачены в белые чалмы, аккуратно повязанные поверх тюбетеек, что указывает на их принадлежность к просвещенному классу (интеллигенции) или опытному чиновничеству. Традиционные полосатые

и однотонные чапаны надеты поверх светлых рубах, а завершают облик классические кожаные ичиги (*махси/маси*) с калошами. Снимок фиксирует уникальный момент преемственности кадров и институтов в условиях революционного слома.

ФОТО № 22:

Изготовление агитационного знамени

Двадцать второй снимок серии документирует процесс создания монументального пропагандистского транспаранта в интерьерной обстановке Бухары периода смены политического режима. На фотографии запечатлены двое мастеров, которые, расположившись на коврах, наносят надписи арабской вязью на крупное темное полотно. Данный кадр служит наглядной иллюстрацией синтеза революционной идеологии и традиционной восточной эстетики.

Основное содержание транспаранта представляет собой классические революционные лозунги, переведенные на местный язык.

Верхняя дугообразная надпись гласит: ... برلاشگیز بتون دنيا محنت کشلاری (Бирлашингиз, бутун дунё меҳнаткашларе! – «Трудящиеся [пролетарии] всех стран, объединяйтесь!»). Средняя, наиболее крупная строка содержит призыв الميلاال بين وچونچى يثاسون (Яшасун 3 нче байналмилял! – «Да здравствует 3-й Интернационал!»). Нижняя строка торжественно фиксирует новое название государства: ... يثاسون شرق [بوليب] غرب («Яшасун Шарк [бўлиб] Гарб!» – «Да здравствует Восток и Запад!»). Ниже на полотне также просматриваются дополнительные призывы к установлению власти Советов (Шўрлар ҳукумати), провозглашению «Свободной Бухары» и тезисы о защите прав трудящихся (меҳнаткашлар).

Участники процесса – профессиональные каллиграфы – облачены в традиционные стеганные чапаны и светлые чалмы, повязанные поверх тюбетеек, что маркирует их как грамотных, образованных людей. В качестве инструментов они используют тонкие кисти и традиционные чаши (пиалы) с краской. Действие происходит в помещении, пол которого застлан коврами ручной работы, а стены снабжены характерными фигурными нишами. С высокой долей вероятности съемка велась в реквизированном богатом доме или здании медресе в центральном районе города, временно превращенном в художественную мастерскую политотдела. Кадр фиксирует уникальный момент рождения новой политической визуальности на стыке древнего искусства каллиграфии и радикальной государственной символики.

ФОТО № 23:

Политическая агитация в ансамбле Пои-Калян

Двадцать третий архивный снимок серии фиксирует выразительный момент политической манифестации в глубокой тени одного из монументальных порталов Бухары. Фотография, датированная сентябрем 1920 года, документирует процесс вовлечения местного населения в агитационную деятельность непосредственно после ликвидации эмирата. Кадр служит наглядным примером адаптации

традиционных социальных структур к новой политической реальности под влиянием агитпоезда «Красный Восток».

Группа из четырех человек запечатлена в статичных позах; мужчины удерживают высокий шест с темным прямоугольным транспарантом. Все участники облачены в традиционные бухарские чапаны и светлые чалмы, способ повязки которых подчеркивает их принадлежность к городскому сословию того времени. Участие местных жителей в демонстрации лозунгов указывает на эффективную стратегию политического отдела по привлечению сторонников из числа горожан для визуальной легитимизации революционных преобразований.

Особую ценность представляет текст на полотне, нанесенный светлой краской арабской графикой на староузбекском языке. Текст сохранился лишь фрагментарно: верхняя строка читается с трудом, однако в ней угадывается обращение к новому политическому статусу региона – بخارا جمهوریتی (*Бухоро жумхурияти* – «Бухарская республика»). Вторая строка просматривается более отчетливо и начинается с канонического революционного призыва

ياشاسون حریت (Яшасун хуррият! – «Да здравствует свобода!»). Оставшиеся строки на транспаранте, к сожалению, совершенно не читаются. В условиях массовой неграмотности использование таких переносных знаков с лаконичными, звучными лозунгами на родном языке служило основным каналом коммуникации между новой властью и населением оазиса.

Сцена локализована в одной из глубоких ниш массивного стрельчатого портала (*нештака*). Исполинский масштаб кирпичной кладки и характерные пропорции сводов позволяют безошибочно узнать ансамбль Пои-Калян – вероятнее всего, входную группу соборной мечети Калян (XVI в.) или медресе Мири-Араб (1530–1536 гг.). Стены возведены из традиционного жженого кирпича квадратного формата, а поверхность площади перед арками вымощена кирпичом, уложенным «на ребро», что создает ритмичный геометрический рисунок, типичный для благоустройства значимых общественных пространств Бухары.

На снимке зафиксирован экстремально высокий световой контраст: группа агитаторов находится в глубокой, почти черной тени портала, в то время как пространство перед ними залито ослепительным светом. Короткие, практически вертикальные тени и визуально ощутимая сухость фактур подчеркивают жаркий и засушливый климат начала осени. Данный кадр объективно документирует процесс визуальной трансформации сакрального городского пространства, где стены древних памятников превращаются в фон для трансляции новых политических смыслов.

ФОТО № 24:

Политическая агитация и идеи джадидизма в Бухаре

Представленная архивная фотография является ценнейшим историческим документом, фиксирующим программные установки реформаторского движения в Бухаре непосредственно после падения эмирата. В центре композиции – молодой человек, удерживающий высокий шест с транспарантом, текст которого служит

подлинным манифестом джадидизма (движения просветителей-реформаторов). Надписи на полотне выполнены каллиграфическим почерком *насталик* на смеси староузбекского (чагатайского) и таджикского (персидского) языков, что отражает уникальную двуязычную интеллектуальную среду Бухары того времени.

Лозунги на знамени представляют собой торжественное приветствие новой политической эпохе. Открывает текст тюркский призыв к свободе:

ياشاسون حریت (Яшасун ҳуррият! – «Да здравствует свобода!»). Следом идет программное воззвание к новому строю: زنده و پايدار باد شورای جمهوریت (Зинда ва пойдор бод шӯрои ҷумҳурият! – «Да живет и крепнет Советская Республика!»), где термин «шуро» подчеркивает стремление к совещательному республиканскому порядку. Особое значение имеет третья строка – زنده و پايدار باد بخار ايان ملت (Зинда ва пойдор бод ёш бухороиён миллет! – «Да живёт и крепнет младобухарцы!»).

Далее текст акцентирует внимание на образовательных приоритетах джадидов: زنده باد معلم و شاگردان مکتب (Зинда бод муаллим ва шогирдон мактаб! – «Да здравствуют учитель и ученики школы!»), что является прямой отсылкой к развитию новометодических светских школ. Завершает программный манифест жесткое требование к искоренению прошлого: نېست باد ظالمان استبداد و خائنان ملت (Нест бод золимони истибдод ва хоинони миллат! – «Долой тиранов-деспотов и предателей нации!»), и финальный аккорд – ياشاسون عدالت (Яшасун адалат! – «Да здравствует справедливость!»).

Важным визуальным маркером снимка является пучок свежей зелени на вершине шеста – традиционный для региона символ обновления, «весны народов» и расцвета жизни после векового застоя. Фигура мужчины в левой части кадра, удерживающего стопку газет, документирует активную деятельность агитпоезда «Красный Восток» по распространению печатного слова среди населения. Действие разворачивается на открытом пространстве, вероятнее всего, на площади Регистан перед цитаделью Арк. На дальнем плане просма-

триваются размытые очертания монументального портала (*пейштак*) одного из медресе. Характер мягкого освещения и традиционная одежда присутствующих – стеганные *чапаны* и светлые *чалмы* – подтверждают, что съемка велась в теплый и засушливый период сентября 1920 года. Кадр фиксирует уникальный исторический момент синтеза исламских традиций просвещения с передовыми идеями республиканского строя.

ФОТО № 25:

Массовый митинг во внутреннем дворе мечети Калян

Двадцать пятый архивный снимок серии является фундаментальным документом, фиксирующим момент рождения новой политической реальности – БНСР. Кадр запечатлел многотысячное собрание жителей города в сентябре 1920 года, символизирующее переход власти к коалиции младобухарцев и большевиков.

Снимок выполнен с небольшого возвышения, что позволяет оценить колоссальный масштаб манифестации: людское море полностью заполняет обширное пространство внутреннего двора. Подавляющее большинство участников – мужчины в традиционных белых чалмах и просторных стеганых *чапанах*. Единый вектор внимания толпы, устремленный в сторону невидимой в кадре трибуны, подчеркивает высокую степень организованности и значимость происходящего события. Над собранием возвышаются темные агитационные полотна, служащие визуальными доминантами композиции.

Тексты на транспарантах, выполненные каллиграфическим почерком насталик, представляют собой ценнейший материал для понимания идеологических приоритетов нового правительства. На правом плакате надписи на староузбекском языке прямо подтверждают формирование новых органов власти. Верхняя строка – بخارا شورالار جمهوريتىنىك (*Бухоро шўралар жумҳуриятининг* – «Бухарской Советской Республики») в сочетании со второй строкой –

معارف نظارتی (*Maorif nazorati* – «Назират просвещения») указывает на ведомство, ответственное за образование и культуру. Использование термина «назират» вместо «министерство» было характерной чертой государственного устройства БНСР. Ниже следует призыв: [ياشاسون علمى انق [لاب] (Яшасун илмий инқи[лоб] – «Да здравствует научная рев[олюция]»), где слово «инқилоб» (революция) частично скрыто другим флагом, но легко восстанавливается по контексту просветительской деятельности джадидов.

Левый плакат содержит тексты преимущественно на фарси (таджикском), что отражает лингвистическую специфику интеллигенции того времени. Несмотря на мелкий шрифт, отчетливо читается лозунг: پايدار حکومت جمهوريت بخارا (Пойдор ҳукумати жумҳурияти Бухоро – «Да будет крепким правительством Бухарской республики!»). Строка ниже – جاويد باد حریت و آزادی (Жовид бод ҳуррият ва озодӣ! – «Да будет вечной свобода и воля!») – использует классические синонимы свободы, подчеркивая пафос момента. В самом низу плаката зафиксирован переход на турецкий язык с начальным

словом *يئسسون* (*Яшасун... – «Да здравствует...»*), хотя последующий текст перекрывается знаменами.

Событие разворачивается во внутреннем дворе соборной мечети Калян (Масджид-и Калян), входящей в ансамбль Пои-Калян. Архитектурным фоном служит знаменитая протяженная аркада – крытая галерея, состоящая из 288 куполов, поддерживаемых массивными кирпичными столбами. Выбор этой локации глубоко символичен: двор мечети, способный вместить до 12 тысяч человек, веками служил главным местом оглашения государственных указов. Данный снимок фиксирует акт символического присвоения главного сакрального пространства города новыми политическими силами, превращая многовековой религиозный центр в трибуну для революционных преобразований. Жесткий свет и предельно короткие, контрастные тени указывают на положение солнца в зените, подчеркивая знойную атмосферу начала сентября 1920 года.

ФОТО № 26: Дворец Ширбудун

Двадцать шестой снимок рассматриваемой серии представляет собой сложный архитектурный пейзаж с элементами бытового жанра, фиксирующий процесс глубокой интеграции армейских структур в изысканную городскую среду Бухары. Фотография документирует период размещения подразделений РККА и штабных групп агитпоезда «Красный Восток» в реквизированных монументальных постройках города в первой половине сентября 1920 года.

Объектом съемки выступает внутренний двор (*сахиль*) элитарного строения – судя по масштабу и исключительному богатству декора, это мог быть либо богатый жилой дом (*хаули*) высокопоставленного чиновника, либо элитное медресе, временно сменившее свое назначение. Левое крыло представляет собой двухэтажный корпус с открытой галереей первого яруса, опирающейся на стройные мрам-

морные колонны с классическими стрельчатыми арками. Второй этаж ритмично оформлен оконными проемами, затянутыми декоративными ганчевыми решетками (*панджара*), которые обеспечивали необходимую приватность и естественную вентиляцию помещений. Правое крыло выделяется высоким летним айваном – открытой террасой, поддерживаемой массивными резными деревянными колоннами с характерными сталактитовыми капителями и сложным кассетным потолком, некогда расписанным ярким растительным орнаментом. Состояние объекта на момент фиксации несет на себе явные следы недавней деструкции: локальные обрушения штукатурного слоя и фрагментарные повреждения резного декора стен прямо коррелируют с общим характером разрушений в центре города после массивного артиллерийского воздействия.

На возвышении айвана и в пространстве двора зафиксирована группа из примерно 15 человек, представляющая собой наглядный пример «двоецентрия» власти переходного периода. Отчетливо выделяются бойцы и командиры в светлом летнем полевом обмундировании РККА (гимнастерках и фуражках). Фигура в центре айвана,

одетая в белую гимнастерку с портупеей и знаками различия, указывает на представителя высшего командного состава или комиссара агитпоезда. Группа мужчин в традиционных одеждах расположена в правой части террасы. Характер сцены – статичное расположение участников, наличие деловых бумаг на коврах и общая сосредоточенность – указывает на проведение официального совещания или административного приема.

Подобная визуальная фиксация свидетельствует о реквизиции наиболее сохранившихся зданий под нужды временных штабов и комендатур. Положение теней, падающих от колонн и выступов здания практически вертикально, позволяет определить время съемки как околополуденное (12:00–12:30).

ФОТО № 27:

Массовое собрание во внутреннем дворе дворца Ширбудун

Двадцать седьмой архивный снимок рассматриваемой серии представляет собой детальную фиксацию массового собрания жителей во внутреннем дворе одного из знаковых сооружений Бухары. Фотография документирует острый момент социально-политического транзита, наглядно иллюстрируя процесс первичного взаимодействия представителей новой власти с местным населением в аутентичной и величественной архитектурной среде.

Событие разворачивается в просторном прямоугольном дворе, композиционно принадлежащем крупному медресе или административной части дворцового комплекса. На заднем плане возвышается монументальное двухэтажное здание, архитектурный облик которого типичен для среднеазиатского зодчества: второй ярус оформлен ритмичной аркадой с узкими стрельчатыми проемами, обеспечивающими естественную вентиляцию и глубокую тень в жаркие часы. Первый этаж отведен под служебные помещения или *худжры* (ученические кельи), закрытые массивными

двустворчатыми дверями из резного дерева. Пространство двора имеет сплошное мощение традиционным жженым кирпичом, уложенным характерным для бухарской строительной школы способом «на ребро», что создавало устойчивое к истиранию покрытие.

В кадре зафиксировано несколько десятков человек, четко разделенных на функциональные и социальные группы. На переднем плане слева акцентирована фигура представителя новой администрации, облаченного в светлую летнюю гимнастерку (или френч) с накладными карманами, плотно стянутую поясным ремнем. Данный визуальный образ идентифицируется как политический комиссар или оперативный сотрудник агитпоезда «Красный Восток». Основную массу присутствующих составляют местные жители в традиционных стеганых чапанах и объемных белых чалмах. Люди распределены по территории двора сообразно восточному этикету: часть группы сидит кругом непосредственно на кирпичном полу,

другие сосредоточены на возвышении (*суфе*), внимательно ожидая распоряжений или слушая оратора.

Технические характеристики снимка – экстремально жесткий солнечный свет и глубокие, почти черные тени в аркадах – позволяют датировать время фиксации как безоблачный полдень (ориентировочно 12:00–13:00).

ФОТО № 28:

Сцена политического просвещения в интерьере монументального здания

Двадцать восьмой архивный снимок коллекции представляет собой выразительное свидетельство идеологической трансформации городского пространства Бухары. Фотография фиксирует момент проведения лекции или политического собрания во внутреннем покое одного из наиболее значимых сооружений города. Снимок документирует ранний этап работы советских агитаторов и пред-

ставителей младобухарского движения с местным населением непосредственно после смены политического режима в сентябре 1920 года.

Композиционным центром кадра выступает фигура оратора (вероятно, Мусоджон Саиджанов), расположенного на *суфе* – традиционном кирпичном или каменном возвышении, которое в данных условиях выполняет функцию импровизированной трибуны. Оратор облачен в длинный халат и высокие кожаные сапоги, на голове – простая тюрбетейка. Его динамичная поза вполоборота к слушателям и уверенная жестикация транслируют статусную убежденность, необходимую для донесения новых смыслов. Позади него на платформе зафиксированы местные активисты, вероятно, представители интеллектуального крыла младобухарцев, выступающие в роли переводчиков и культурных посредников, адаптирующих новые политические концепции к традиционному мировосприятию.

Аудитория, расположенная у подножия суфы, представляет собой характерный социальный срез города: мужчины в стеганых чапанах и объемных белых чалмах. Реакция слушателей, запечатленная фотографом, варьируется от осторожного любопытства до глубокой сосредоточенности, что подчеркивает драматизм столкновения многовекового феодального уклада с радикально иными идеологическими доктринами. Плотность группы указывает на организованный характер встречи, вероятно, инициированной политотделом агитпоезда «Красный Восток».

Архитектурная среда указывает на интерьер высшего духовно-учебного заведения или парадных административных покоев. Стены помещения украшены богатейшей резьбой по алебастру со сложным геометрическим орнаментом и глубокими нишами со стрельчатыми завершениями. Проемы оформлены массивными двухстворчатыми дверями из резного дерева и окнами с декоративными решетками. Пол вымощен традиционным квадратным жженым кирпичом, характерным для бухарской строительной школы.

Исключительное качество отделки позволяет локализовать съемку в таких значимых объектах, как двор Кушбеги в цитадели Арк или парадные залы медресе Мири-Араб.

ФОТО № 29:

**Официальное мероприятие и политическая агитация
в парадном интерьере**

Двадцать девятый архивный снимок рассматриваемой серии фиксирует кульминационный момент идеологического и административного взаимодействия между представителями новой власти и жителями Бухары. Сцена разворачивается в парадном, богато декорированном интерьере, что подчеркивает исключительную значимость и официальный статус происходящего события в первые недели после падения эмирата.

В центре кадра находится плотная группа людей, чье внимание сфокусировано на процессе распределения информационных ма-

териалов. Композиционным и смысловым полюсом выступает фигура агитатора, расположенного в правой части группы. Его облик подчеркнуто контрастирует с традиционным окружением: он одет в светлую полевую гимнастерку европейского покроя, заправленную в темные галифе и плотно подпоясанную кожаным ремнем. Отсутствие головного убора и энергичная, уверенная поза маркируют его как представителя новой политической элиты – вероятно, сотрудника политотдела агитпоезда «Красный Восток», осуществляющего выдачу мандатов, удостоверений или пропагандистских листовок.

Толпа слушателей представлена мужчинами, активно тянущимися к оратору. Большинство присутствующих облачены в традиционные стеганные чапаны и объемные белые чалмы, характерные для городского сословия Бухары начала XX века. На переднем плане запечатлено множество сидящих непосредственно на полу людей, что создает эффект иммерсивности и указывает на массовый, многочасовой характер собрания или лекции.

Сцена разворачивается в парадном зале, стены которого представляют собой подлинный шедевр декоративно-прикладного искусства региона. Интерьер разделен на ритмичные вертикальные панно, украшенные виртуозной резьбой по *ганчу* с тончайшим растительным и геометрическим орнаментом (*ислими* и *гирих*). На заднем плане просматриваются открытые дверные проемы, ведущие во внутренние покои и оформленные в виде сложных стрельчатых арок с декоративными завершениями.

Контраст между статичным, «вечным» аристократическим декором и динамичной, стихийной толпой вносит в снимок глубокое историческое напряжение, фиксируя момент превращения эмирского дворца в революционный штаб. Судя по исключительной роскоши убранства, локацией могут служить парадные залы Кушбеги (главного визиря) в цитадели Арк, помещения загородной резиденции Ситораи Мохи-Хоса или залы крупнейших медресе города (например, Мири-Араб), временно реквизированные под административные нужды новой республики. Данная фотография является

визуальным свидетельством того, как сакральные и властные пространства старой Бухары стремительно адаптировались под нужды новой идеологической машины.

ФОТО №30:

Групповой портрет жителей Бухары на суфе

Тридцатый кадр рассматриваемой серии представляет собой и исключительный этнографический документ, фиксирующий повседневный уклад и социальную жизнь мужского населения Бухары в период масштабных политических потрясений сентября 1920 года. Снимок смещает фокус с монументальных разрушений на живую человеческую среду, демонстрируя удивительную устойчивость многовековых традиций быта перед лицом глобальных перемен.

Центральным элементом композиции выступает массивная кирпичная *суфа* – приподнятая прямоугольная платформа, являющаяся

смысловым и функциональным центром любого среднеазиатского двора. Облицованная жженым кирпичом, она служила универсальным пространством для коллективных трапез, отдыха и обсуждения городских новостей. На правой части платформы зафиксированы аккуратные стопки узких стеганых одеял – *курпачей*, которые раскладывались поверх ковров для обеспечения комфорта сидящих. Характер фасада на заднем плане с тремя высокими прямоугольными проемами и запыленность кладки позволяют предположить, что действие происходит во внутреннем дворе (*хаули*) крепкого жилого дома или небольшого квартального медресе.

На платформе расположились около 15 мужчин, чей внешний облик транслирует абсолютную приверженность традиционному дресс-коду Бухарского оазиса начала XX века. Все присутствующие облачены в стеганые халаты различной плотности, а головы большинства венчают объемные белые чалмы, безупречно намотанные поверх тюбетеек. Особую научную ценность представляют запечатленные у края суфы детали обувного этикета: несколько пар мягких кожаных сапог и оставленные рядом глубокие калоши. Согласно местному обычаю, обувь обязательно снималась перед тем, как зайти на застеленное пространство суфы, что подчеркивает неформальный, общинный характер собрания.

Несмотря на недавний штурм города и присутствие в Бухаре частей РККА и агитпоезда «Красный Восток», позы запечатленных мужчин – со скрещенными или подогнутыми под себя ногами – выражают привычное восточное спокойствие и созерцательность. Сцена выглядит подчеркнута будничной, лишенной признаков паники или спешки. Технические параметры снимка – экстремально жесткий, почти вертикальный солнечный свет и предельно короткие тени – позволяют с высокой точностью датировать время съемки как полдень (12:00–12:30). Высокая контрастность и «сухая» фактура изображения объективно передают атмосферу засушливого сентября, когда лессовая пыль становилась неотъемлемым

фильтром городского пейзажа. Данный кадр служит важным гуманитарным дополнением к военной хронике, напоминая о незыблемости человеческого измерения истории.

ФОТО № 31:

Городская среда и патрулирование улиц Бухары

Тридцать первый снимок серии представляет собой панорамную фиксацию повседневной жизни в одном из кварталов старой Бухары (Шахристана) в сентябре 1920 года. Кадр документирует уникальный момент наложения новой военно-политической реальности на традиционный средневековый ландшафт города. Композиция снимка фиксирует типичную плотную махаллинскую застройку, состоящую из аскетичных глинобитных зданий, возведенных из *пахсы*, с характерными плоскими крышами и глухими фасадными стенами, скрывающими внутреннюю жизнь дворов от посторонних глаз.

В центре архитектурной композиции выделяется культовое сооружение с небольшим декоративным куполом – вероятно, квартальная мечеть или входная группа локального медресе. Справа запечатлен фрагмент более статусной постройки, украшенной изящной ганчевой решеткой (*панджара*) и массивными деревянными колоннами, что указывает на близость богатых городских усадеб или общественных зданий. Резким технологическим диссонансом на фоне древних стен выступает высокий телеграфный столб на заднем плане – визуальный маркер модернизации, начавшейся в эмирате еще в начале XX века и ставшей важным инструментом новой власти.

Уличное пространство заполнено активным движением различных функциональных групп. На переднем плане справа зафиксирован всадник в традиционном полосатом чапане, передвигающийся на осле – основном виде городского транспорта Бухары того времени. В глубине улицы слева движется плотная смешанная группа людей, в составе которой отчетливо различимы фигуры красноармейцев в уставной полевой форме (шинелях или френчах) с винтовками за спиной. Их присутствие свидетельствует о регулярном патрулировании города частями РККА и сотрудниками агитпоезда «Красный Восток» для поддержания порядка в условиях переходного административного периода.

У стены в левой части кадра запечатлены выючные животные с переметными сумками, ожидающие хозяев. Экстремально высокое положение солнца и глубокие, почти черные контрастные тени под карнизами зданий позволяют уверенно датировать время съемки как околополуденное. Общая запыленность атмосферы и визуально ощутимая сухость фактур полностью соответствуют засушливому сентябрьскому сезону в оазисе. Вероятным местом фиксации является одна из магистральных артерий в районе торговых куполов (*таки*), ведущая в сторону площади Ляби-Хауз или цитадели Арк.

ФОТО № 32:

Сцена во дворе мавзолея Турки Джанди

Тридцать второй снимок коллекции представляет собой камерную репортажную сцену, переносящую зрителя в приватное пространство внутреннего двора паломнического комплекса.

В центре композиции запечатлены два ключевых персонажа, олицетворяющих преемственность поколений. Справа на кирпичном возвышении для отдыха, застеленном плотной узорчатой тканью, – зафиксирован юноша в момент отдыха. Он облачен в добротный стеганный полосатый халат (*пахталык*), выполненный из традиционной ткани типа *адрас* или *алача*. Плотность и сохранность одежды, а также наличие под халатом светлой рубахи с воротником-стойкой указывают на принадлежность героя к крепкому среднему сословию оседлого городского населения – ремесленникам или торговцам. Особым маркером социального статуса служит его обувь: мягкие кожаные сапоги.

Слева у колодца запечатлен мальчик в простом темном халате и тубетейке, с любопытством наблюдающий за работой фо-

тографа. Архитектурная среда двора предельно типична для старой Бухары: стены возведены из *самана* (смеси глины и соломы) с частично осыпавшейся от времени штукатуркой, а массивные горизонтальные балки поддерживают перекрытия второго яруса. Дверной проем на заднем плане ведет в *ичкари* – внутреннюю, женскую и жилую часть дома, максимально защищенную от посторонних глаз.

Атмосфера снимка визуально передает ощущение спасительной прохлады внутри глинобитного двора в жаркий сентябрьский полдень, когда тени становятся предельно короткими и контрастными. Социальный профиль героев определяется как подчеркнуто традиционалистский: в то время как в официальных зонах города в 1920 году уже активно внедрялись элементы европейского платья и военного обмундирования, данная семья сохраняет абсолютную верность вековому бухарскому стилю и укладу. Этот кадр служит важным напоминанием о том, что за фасадом революционных митингов и артиллерийских обстрелов продолжалась повседневная жизнь города, регулируемая древними традициями гостеприимства и быта.

ФОТО № 33:

Уличная сцена в историческом квартале

Этот снимок серии представляет собой выразительную панораму повседневной жизни в одном из жилых кварталов (*махалли*) старой Бухары осенью 1920 года. Фотография фиксирует уникальный момент сосуществования многовекового консервативного уклада и новых примет времени, привнесенных в регион вместе с установлением власти Бухарской Народной Советской Республики.

Сцена разворачивается в типичном узком переулке с плотной исторической застройкой. Справа и слева возвышаются глухие стены, возведенные из жженого кирпича. Их неровная фактура с глубокими трещинами и следами многолетней эрозии наглядно иллюстрирует возраст построек. Характерная инженерная деталь – выступающие из кладки деревянные балки – элементы тра-

диционного антисейсмического пояса, обеспечивающего гибкость конструкций при землетрясениях. Сама улица лишена искусственного мощения; ее поверхность покрыта слоем плотно утрамбованной пыли и мелкого щебня, что было нормой для внутренних артерий города того периода.

В кадре запечатлено несколько групп людей, чей облик служит визуальным кодом социального разнообразия переходного момента. На переднем плане доминируют фигуры двух местных жителей. Особое внимание привлекает старец в тяжелом стеганом чапане и объемной белой чалме (салла). Его длинная белая борода и величественная, статичная поза транслируют традиционное достоинство и неспешный ритм жизни старой Бухары.

Резким контрастом на дальнем плане слева выступает фигура человека в светлой гимнастерке или френче европейского образца с накладными карманами и фуражке. Этот визуальный маркер безошибочно указывает на присутствие красноармейца или сотрудника агитпоезда «Красный Восток», вовлеченного в организацион-

ную или патрульную работу. Справа у стены расположилась группа горожан в традиционных халатах и тюбетейках, чье отстраненное наблюдение за происходящим подчеркивает дистанцию между привычным бытом и динамичными переменами. Жесткий свет и четкие тени под выступающими частями зданий позволяют датировать время съемки околополуденными часами, когда контраст между освещенными участками и тенью становится наиболее графичным.

ФОТО № 34:

Панорама городских окраин и столкновение эпох

Тридцать четвертый архивный снимок серии представляет собой панорамный вид окраин Бухары, становясь выразительным визуальным свидетельством столкновения вековой древности и наступающей технологической эры в сентябре 1920 года. Кадр фиксирует пограничное состояние города, где монументальные фортификации прошлого встречаются с первыми маркерами модернизации.

Центральным архитектурным и композиционным элементом снимка выступает массивная городская стена, возведенная из пахсы и жженого кирпича. Характерные зубчатые завершения – *мерлоны* – создают ритмичный и узнаваемый силуэт на фоне выгоревшего светлого неба. Обветшалое состояние фортификационной линии, выраженное в глубокой эрозии, осыпании глиняных пластов и свежих выбоинах, наглядно иллюстрирует как почтенный возраст постройки, так и последствия недавнего штурма города частями РККА.

Вдоль подножия крепостных стен пролегает засушливая пыльная дорога, по которой вглубь кадра движется одиночный всадник на осле. Его традиционный облик в светлом чапане подчеркивает консервативность и неизменность повседневного бытового уклада оазиса. Резким смысловым диссонансом этой сцене служит возвышающийся справа телеграфный столб – яркий и бескомпромиссный символ технологической трансформации региона, внедряемой новой администрацией. Справа от дороги зафиксированы много-

численные округлые насыпи, которые, исходя из исторической топографии, могут быть идентифицированы как остатки старых пригородных кладбищ.

Жесткое, направленное освещение и плотная черная тень, отбрасываемая стеной на левую часть пути, позволяют определить время съемки как первую половину дня (ориентировочно 10:00–11:00). Вероятным местом фиксации является северо-западный или северный сектор крепостной линии в районе ворот Талипач или Самаркандских ворот, где городские стены наиболее тесно соприкасались с открытым степным пространством. Этот кадр служит важным завершающим штрихом к визуальной истории Бухары 1920 года, фиксируя момент, когда средневековая крепость окончательно утрачивает свою оборонительную функцию, превращаясь в историческую декорацию для новой политической реальности.

ФОТО № 35:
Панорама разрушений
в центральной части города

Тридцать пятый архивный снимок серии представляет собой одно из самых суровых и беспристрастных визуальных свидетельств штурма Бухары, запечатлевшее катастрофические разрушения в центральных кварталах города на рубеже августа и сентября 1920 года. Эта панорама служит визуальным эпилогом истории Бухарского эмирата, фиксируя момент, когда плотная историческая ткань столицы превратилась в безжизненный ландшафт руин под воздействием современной на тот момент военной техники.

В центре композиции, вдоль узкого прохода, расчищенного среди обломков, возвышаются хаотичные груды земли, битого обожженного кирпича и фрагментов глинобитных стен. Характер завалов и торчащие из-под обрушившихся перекрытий массивные деревянные балки (*тир*) наглядно указывают на применение тяжелой осадной артиллерии или авиабомбардировок, нанесших невосполнимый

урон махаллинской застройке. Ослепляющее полуденное освещение создает резкий, почти графичный контраст, подчеркивая драматизм сцены, засыпанной плотным слоем серой строительной пыли.

В кадре зафиксированы группы людей, чей облик наглядно иллюстрирует глубокий социальный разлом переходного времени. На переднем плане выделяется фигура военнослужащего в темной куртке и светлом шлеме тропического образца – специфическом снаряжении ударных подразделений РККА, действовавших в условиях экстремальной жары Туркестана. Его подчеркнута функциональный вид резко диссонирует с фигурами местных жителей в традиционных одеждах, которые медленно движутся среди руин. На дальнем плане запечатлены горожане, пытающиеся извлечь остатки домашнего имущества из-под завалов своих бывших жилищ, что придает снимку особую гуманитарную остроту.

Несмотря на колоссальный масштаб деструкции, на горизонте все же угадываются очертания уцелевших монументальных построек. В правой части кадра виден характерный силуэт крупного купольного здания с высоким барабаном, что позволяет локализовать место съемки в районе ансамбля Пои-Калян или в секторе непосредственно к востоку от цитадели Арк, принявшем на себя основной удар обстрелов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Бухара 1920: Трансформация региона в зеркале деятельности агитпоезда «Красный Восток»

Анализ деятельности агитпоезда «Красный Восток» и сопутствующей фотолетописи сентября 1920 года позволяет реконструировать механизмы глубокой социальной и политической трансформации региона. Данная миссия стала не просто просветительским проектом, но фундаментальным инструментом утверждения новой государственной реальности. Исследованная фотоколлекция служит уникальным визуальным документом, фиксирующим точку невозврата в истории Бухары, где в объектив попал драматический контраст эпох: на фоне вековых глинобитных махаллей и монументальных медресе разворачивались процессы, в корне менявшие привычный уклад.

Визуальный ряд демонстрирует, как сакральные пространства и парадные залы с изысканной резьбой по ганчу превращались в площадки для массовых митингов и революционные штабы. Снимки фиксируют не только внешние разрушения после штурма, но и рождение новой политической эстетики, где традиционная восточная каллиграфия начала служить трансляции современных идеологических концептов. Важнейшим итогом работы миссии стала адаптация политических смыслов под местный культурный контекст через создание агитационных знамен, сочетавших привычную арабскую графику почерка насталик и новые символы, такие как серп и молот, вписанные в полумесяц.

Содержание наглядной агитации того периода носило программный характер, отражая призывы к гражданским свободам, утверждение республиканских идеалов и безусловный приоритет светского просвещения, что воспринималось как залог социального прогресса и единства различных слоев общества. При этом «Красный Восток» функционировал как автономное «государство на колесах», совмещающая пропаганду с жестким административным строительством,

проведением чисток аппарата и формированием институционального фундамента в виде типографий и библиотек.

Миссия послужила мощным кадровым лифтом, вовлекая местную интеллигенцию в управление новой республикой и выстраивая через систему обмена ресурсами между Поволжьем и Средней Азией единое идеологическое пространство. В этом процессе представители тюркских народов Поволжья выступали связующим звеном для трансляции влияния Центра.

К 1921 году стратегия массовых коммуникаций претерпела изменения: в связи с экономическими трудностями и переходом к новой экономической политике масштабные проекты агитационного транспорта были свернуты, а управление составами перешло в ведение гражданских ведомств¹. Это ознаменовало переход к системному партийному строительству под руководством новых фигур номенклатуры. Опыт «Красного Востока» на десятилетия определил облик региональной политики, позволив в кратчайшие сроки демонтировать старую государственную машину и заложить основы новой государственности. Свидетельством этого остаются архивные кадры, зафиксировавшие активный ритм преобразований в интерьерах старой Бухары.

¹ *Argenbriht R. Vanguard of 'socialist colonization'? The Krasnyi Vostok expedition of 1920 // Central Asian Survey. 2011. Vol. 30, № 3–4. P. 451.*

Список сокращений

ААП Рес. Турк. – Архив администрации Президента Республики Туркменистан

ААП РУз – Архив администрации Президента Республики Узбекистан

БНСР – Бухарская Народная Советская Республика

ВЦИК – Всероссийский центральный исполнительный комитет

ГА РТ – Государственный архив Республики Татарстан

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации

КПТ – Центральный комитет Туркестанской коммунистической партии

РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории

СОО ААП РУз – Самаркандский архив

СОГАСПИ – Самарский областной государственный архив социально-политической истории

ХНСР – Хорезмская Народная Советская Республика

СОДЕРЖАНИЕ

Живая история «Красного Востока»: архив семьи Султанбековых	5
Организация и практика агитационных поездов: опыт первых лет Советской республики	9
Деятельность агитационно-инструкторского поезда «Красный Восток» в Туркестанском регионе	16
Реконструкция истории в объективе: Бухара 1920 года и наследие семьи Султанбековых	48
Фото № 1: Панорама разрушенного центра Бухары	52
Фото № 2: Панорама разрушенного квартала Бухары	54
Фото № 3: Последствия артиллерийского воздействия на городскую застройку	55
Фото № 4: Последствия разрушений во внутреннем дворе	57
Фото № 5: Состояние архитектурного ансамбля Пой-Калян	58
Фото № 6: Архитектурный комплекс Чашма-Айюб	60
Фото № 7: Портал медресе Абдулазиз-хана	61
Фото № 8: Купол медресе Мири-Араб	63
Фото № 9: Северо-западный участок крепостной стены Бухары	65
Фото № 10: Бухарский зиндан	66
Фото № 11: Следы уличных боев в махалле Бухары	68
Фото № 12: В.Г. Юдовский и Ф.Ф. Султан-Бек на фоне разрушенных кварталов	70
Фото № 13: Конная колонна на улицах разрушенной Бухары	71
Фото № 14: Состояние городской среды и социально-бытовая инфраструктура	73
Фото № 15: Ворота Саляххона	75
Фото № 16: Парадный вход в цитадель Арк и площадь Регистан	77

Фото № 17: Массовое собрание у медресе Бозори Гусфонд.....	79
Фото № 18: Интерьер и элементы пенитенциарной системы Бухарского эмирата.....	81
Фото № 19: Организация административного контроля и регистрация населения в Бухаре	83
Фото № 20: Идеологическая работа в Бухаре.....	84
Фото № 21: Административная деятельность и установление новой системы управления	86
Фото № 22: Изготовление агитационного знамени.....	88
Фото № 23: Политическая агитация в ансамбле Пои-Калян.....	89
Фото № 24: Политическая агитация и идеи джадидизма в Бухаре	91
Фото № 25: Массовый митинг во внутреннем дворе мечети Калян.....	94
Фото № 26: Дворец Ширбудун.....	96
Фото № 27: Массовое собрание во внутреннем дворе дворца Ширбудун.....	98
Фото № 28: Сцена политического просвещения в интерьере монументального здания.....	100
Фото № 29: Официальное мероприятие и политическая агитация в парадном интерьере.....	102
Фото № 30: Групповой портрет жителей Бухары на суфе.....	104
Фото № 31: Городская среда и патрулирование улиц Бухары...	106
Фото № 32: Сцена во дворе мавзолея Турки Джанди	108
Фото № 33: Уличная сцена в историческом квартале	109
Фото № 34: Панорама городских окраин и столкновение эпох	111
Фото № 35: Панорама разрушений в центральной части города.....	113
Заключение. Бухара 1920: Трансформация региона в зеркале деятельности агитпоезда «Красный Восток».....	115
Список сокращений	117

Научное издание

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ ТАТАР ЗАРУБЕЖЬЯ
Книга 14

А.М. Ахунов, А.Н. Расулов, И.Г. Гумеров
Агитпоезд «Красный Восток»
Просветительская миссия в Туркестане

Редактор *Л.Г. Шарифуллина*
Компьютерная верстка *Л.М. Курбангалеевой*
Дизайн обложки *Т.В. Семиной*

Подписано в печать 28.12.2025.
Бумага офсетная. Формат 60×84 1/16. Гарнитура «Таймс».
Усл.-печ. л. 17,5. Уч.-изд. л. 13,5. Тираж 500 экз. Заказ

Оригинал-макет подготовлен в Институте языка, литературы
и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ
420111, Казань, ул. К. Маркса, 12

Издательство Академии наук Республики Татарстан
420111, Казань, ул. Баумана, 20